
Оксана СОЛОПКО

GREEN CARD

Роман

Посвящается моему Северному Мишке

3000 год Лунного Затмения

ЧАСТЬ 1. ГЕТТО

1. Восточное гетто

Он летит над пригородом — лениво и отрешенно, плавно пересекая вечернее пространство крыльями. Тишина. Надвигается гроза. Небо потемневшее от туч. Свысока все кажется далеким и зыбким, несущественным. Мимо широкого здания, огражденного массивным забором, едва касаясь крыльями высокого шпиля, уходящего далеко в грозное небо, к растянувшемуся, выдавшему виды, медленно умирающему городу, огороженному колючей проволокой. Панорама резко меняется. Разбитые дороги слабо освещены одинокими тусклыми фонарями. Редкие прохожие спешат по домам, слабеет поток машин. Нетрезвым шагом плетется одинокий алкоголик, разговаривающий сам с собой.

Воздух уплотняется, тяжелеет, насыщается водными парами. Запахи сливаются, путаются, замирают. Небо прорезает ярко-желтым ртом первая молния. Мимо панельных грязно-серых муравейников. Тусклые огни окон. Мягко покачиваясь, садится на балконную балку. Еще один раскат. Темные зрачки смотрят внутрь. Минималистская компактная мебель в серых металлических тонах. Отблески мониторов и экранов. Два склоненных силуэта на диване. Дикторский голос объявляет дефолт и военное положение. Силуэты вздрагивают, переглядываются. Возгласы, споры, взмахи рук.

— Нужно срочно перебраться в Зеленый Дом! — нервный женский голос.

Мужской размеренно:

— Ты ведь знаешь, невозможно. Там места только для богатых.

— Мы здесь пропадем! — настойчиво, сминая пальцы. — Понимаешь ты это? Все скрывают насчет Дома, ничего не говорят. А я чую, нехорошее надвигается для тех, кто не в нем.

— Поживем — увидим. Ничего же не известно.

— Думаешь, зря эту домину выстроили на отшибе, а нас колючей проволокой обнесли? — раздраженно. — Только и говорят, что эксперимент. Якобы новая система городов грянет. А что со старыми сделают? Что-то они затевают.

Оксана Михайловна Солопко родилась в 1990 году в Полтаве. Окончила Полтавский университет экономики и торговли по специальности «Банковское дело». Работала журналистом на новостном интернет-сайте, участвовала в литературных клубах. Публиковалась в русском литературном журнале «Молоко». Участник 18-го и 19-го Международных форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Ведет свой Телеграм-канал. Живет в Омске.

Мужской устало:

— Не зря, конечно. Все теперь хотят в Зеленый Дом. Но как туда попадешь? В новой системе себе же место нужно купить — квартиру, профессию. Без этого не пускают. У тебя есть деньги? У меня нет.

— Можно же получить грин-карту! — возмущенно.

— Это та специальная стипендиальная программа, интеллектуальная лотерея? Так это для молодых специалистов, умной, нужной и полезной им молодежи. Знаешь, какая там конкуренция! А мы что? Нам под пятьдесят. Кому нужны? Вот за колючей проволокой нам и сидеть.

— Вот и сиди, а я не буду! — срывается на крик. — Сбросят бомбу на нас в один прекрасный день, будешь знать, как бездействовать. Слышал, что диктор только что говорил? Дефолт из-за войны. А с кем воюем, почему, ничего не говорят. Пенсию совсем отменили, чтобы расходы сократить. Сказали, кто не сможет больше работать, тех будут из города вывозить. А куда и что с ними будут делать, ничего не говорят.

— Ну, а что делать-то? — безразлично.

— В Зеленый Дом перебираться! Говорят, там целый мини-город. Будущее за ним. Слышала, будто было какое-то пророчество, что в ближайшем будущем, когда закончится эпоха Великого Лунного Затмения, такие дома-города только и выживут. А другие города, по старому образцу, исчезнут.

— Слухи все это, — машет рукой. — Не бери в голову.

— А если не слухи? Надо что-то делать!

— Что нам делать в Доме? Нас туда никогда не пустят.

— Ты что же предлагаешь, преспокойно ждать, пока нас вывезут?

— Там дальше видно будет, — нервно.

— Недавно за городом взрыв был. А что взорвалось, не говорят. Вон голуби поголовно мрут теперь. Заметил? А отчего мрут? Власти и тут молчат. Знакомые поголовно болеют. А что, как и мы вымерем? Страшно.

Молчание. Экраны и мониторы не смолкают. Силуэты замирают.

— Чего он на нас уставился? — возмущенный женский взгляд на балкон.

Мужской силуэт вздрагивает и поворачивается в том же направлении.

— Да грач этот. Сидит и смотрит. Зачем смотрит?

— Да пусть смотрит, — пожимает плечами. — Какая разница-то?

— Жутко, знак нехороший. Да еще в грозу. Развелось этих тварей в последнее время. А все из-за того, что мусор не вывозят. Скоро сами мусором станем. Все маленькие птички вымерли, одни эти страшные изверги остались. Прогони его!

Силуэт нехотя отделяется от дивана и медленно движется в сторону балкона.

Снова раскат грома, молния желтой кривой разрезает небо. Взмах крыльев, плавно лавирует на соседний балкон, ежится, забивается в угол. Одна за другой опускаются тяжелые капли. Начинается ливень.

За окном силуэты и мониторы. В экранах говорят. Два женских силуэта напряженно вслушиваются. Разыгрывается интеллектуальная лотерея. Раздаются стипендии в Дом. Прямой эфир. Женщина бегающими глазами скользит по экрану. Девушка замирает с открытым ртом. Тишина ожидания. Только хаос мониторов и грохот грома. Мелькающие имена выкриками режут уши. Лучшие из лучших. Слезы на глазах, благодарности. Превосходство на лицах.

Женщина медленно переводит бегающий взгляд на девушку. Застывает жалостливым прищуром, издавая еле слышный вздох.

— Так и знала, что ей дадут, — сухо, отрывисто, наблюдая за просиявшим радостью лицом на экране. Лицо с крупными чертами, прическа под мальчика. — Ну, разве справедливо, мам?

— Как их вообще раздают-то эти стипендии? За что?
— Не знаю. За что-то. Просто заявки все подают и статью прилагают, если на журналиста. Я даже во второй тур не прошла, чтобы в прямом эфире участвовать.

— У нее лучше статья была?
— Не знаю. Мы не читали статей друг друга.

— Кто в жури?
— Люди из Дома.

Женщина сглатывает.

— Как же они судят?
— Не знаю, это ж конкурс, — раздраженно. — Может, никак. Но мы проходили тесты из двухсот вопросов.

— И что за вопросы?
— Психологические. Они сказали, чтобы узнать нашу личность. Подходим ли мы коллективу Дома, впишемся ли, чтобы всем было комфортно и не было конфликтов. Там любят позитив.

— А людей из Дома видели?
— Мельком. Но я успела самого главного за руку взять. Хотела подлизаться. Все зря.
— А она? — женщина кивает в сторону затихшего экрана.
— Она скандалистка и манипуляторша! — переходит на крик. — Объявила жури снобами в блог-посте, обвинила, что они не читают статьи, а судят всех по биографии. Угрожала, что не придет на обсуждения и напишет жалобу в сам Дом.

— Как это по биографии судят?
— Ну, это, конечно, правда. Смотрят, есть ли публикации в модных изданиях. Тексты никого не волнуют. Но не в том дело! Это все знают. Знают и молчат.

— Но как же так... — растерянно моргая. — Как же ей дали?
— А вот так и дали — во избежание скандала! Дому ни к чему скандалы. Вот как нужно стипендии выбивать.

— Значок северного гетто у нее был.
— Ага, оттуда. Они там привычные скандалить.

Женщина пожимает плечами.

— Суровые дикое края. Приходится бороться. Дом-то пока всего один, а гетто много.
— Во время первого тура нас уже разделяли по гетто. Кто центральнее, элитнее, к тем более внимательное отношение. Перед моей презентацией один из главных вообще встал и вышел.

— Да, ничего хорошего. Все наши надежды отправить тебя в Дом коту под хвост.
— Грачу...
— Чего? — не понимает женщина.
— Грачей много развелось. А котов уже и не осталось. Вымерли почему-то.
— Ах да. Какой-то кошачий грипп.
— Это так говорят, — девушка полупшепотом. — А что на самом деле, неизвестно. Говорят, специально из Дома напустили.

— Зачем?
— Гетто потихоньку сокращают. Не все в Дом влезут. Кого-то по стипендии возьмут, а кто-то сам вымрет.

— Обычные люди им ни к чему, это да. Мы-то думали, хоть молодежь в Доме укроется.

— Ну, если южное гетто уменьшат, не беда, — девушка иронично. — Видела, как вырядились на прямой эфир? Смех, да и только. Рюши, оборочки, трехэтажные прически, наращенные ресницы, волосы. Провинциальный уровень. А еще в Дом метят. Для него нужно шкуру отращивать.

— Да сокращают-то все гетто.
— Ага, а сами центральное гетто выделяют.
— Но почему центральное-то? — женщина взмахивает руками. — И ничуть оно не богаче нашего.
— Ну, там родословная у людей, потомственность развита.
— В каком смысле?
— А в таком — если журналист, так в пятом поколении. И так далее. Они такое любят.
— И темы, — продолжает девушка и раздраженно замолкает. — Темы они могут брать для статей более разнообразные. Никто не скажет, что не разбираешься. Потому что в центральном гетто живешь. А нам, из восточного, только про войну и пиши.
— А остальным про что писать?
— Ну, северному гетто про деревню и ее проблемы, западному про расизм и сексизм, а южному про позитивное мышление, обязательно с надеждой в конце.
— Как-то узко.
— Что поделаешь. Вот некоторые и выбивают себе место под солнцем скандалами. На экране очередное просиявшее радостью лицо.
Раздача стипендий в Дом в прямом эфире заканчивается. Диктор всех благодарит за позитив. Он, как и все присутствующие, очень рад, что в Доме не будет негатива, только позитивные, светлые новые люди, которые отлично туда вписываются.
Ливень стихает. Он расправляет крылья и направляется южнее.

2. Южное гетто

Столетний грач летит над южной провинцией вечной осени. Раньше, он еще застал это, времена года сменяли друг друга. Все начиналось с южного и северного гетто — там застыли лето и зима. Земля сместилась, изменила наклон. На юге жарило солнце: температура достигала плюс сорок. На севере все леденело в застывшей метели под минус шестьдесят. Это еще до восточно-западных войн. Много грачей не выдержало, другие мутировали, приспособились. Он отпрыск мутировавших. Раньше грачи столько не жили. Теперь же вместе с природой застыли в вечной осени: нескончаемой, туманной.

Трудно сейчас найти спокойное, тихое место. Отовсюду гонят — пустили слух, что грачи — распространители новой эпидемии. Эти вирусы возникают каждый день, и все новые. Их истребляют. Чем южнее, тем безопаснее. Здесь еще не все в тумане — изредка проглядывает солнце. Южное гетто самое жизнерадостное, светлое, позитивное. Здесь больше всего грачей. Они любят его. Здесь еще остались деревья. Настоящие, не искусственно поддерживаемые. Но желтые, всегда осенние. Он рад и тому. Вечный странник, путешественник, бродяга. И всегда одинок. Ни приюта, ни дома.

Южное гетто самое маленькое из всех. Тихое, провинциальное. Все в золотистых кленовых деревьях вечной осени. От центра расходятся лучами дороги в спальные районы с одинаковыми рыжими домами. Ему нравится перелетать от одного дома к другому, от одного балкона к следующему. Нравится слушать разговоры, видеть частную жизнь внутри. То, что люди предпочли бы скрыть, оставить личным. И тем интересней подглядывать, когда вдруг неожиданно для самого себя понимаешь человеческую речь. Видно, сказала мутация. Сначала разбираешь отдельные звуки и фразы, с трудом пробираешься сквозь словесный поток. Но потом смысл все чаще доходит легко, становится все глубже, так что понимаешь все, что говорят в квартире. И чем лучше понимаешь людей, чем больше проводишь времени среди них, тем больше, кажется, мыслишь, как они, и тем стремительнее очеловечиваешься.

Все чаще нравится наблюдать за определенными людьми и квартирами. Тут-то неожиданно для себя и влюбляешься. Безнадежно и сильно. Так, что впервые отчет-

ливо жалеешь, что не человек, а всего лишь грач. Грачи не создают семьи, не знают ответственности. Они вольны летать, где хотят, и не отчитываться ни перед кем. Но человеческие чувства вынуждают думать о вещах обывательских и совершенно человеческих — где осесть насовсем, создать семейное гнездо.

Любовь очеловечивает. Да еще как-то внезапно. Залетаешь на очередной балкон рыжего дома, однообразного, как и тысячи других, смотришь кому-то в глаза и вдруг понимаешь, что улетать не хочется.

Очередной балкон, очередная клетушка с экраном на стене, в который все пялятся с утра до вечера. Но там он видит ее, и что-то загорается внутри, какое-то тепло. И больше не хочется улетать, а хочется остаться здесь навсегда и вечно купаться в этом тепле, раствориться в этом свете.

Семья из трех человек у экрана. Женщина в возрасте, видно, мать, и две дочери — одна лет тринадцати, другая взрослая девушка. На экране какое-то реалити-шоу — про людей, живущих в стеклянных прозрачных помещениях, похожих на аквариумы для рыб. Люди разговаривают, перемещаются, общаются на таких же экранах, и семья очень внимательно наблюдает за происходящим. Он знает это телешоу — почти в каждой квартире он видит его, когда нет онлайн-розыгрыша грин-карты. Нескончаемое, тяготящее. Но в чем-то завораживающее. По крайней мере, людей в квартирах оно гипнотизирует.

Мамаша и девушка смотрят шоу внимательно, с удовольствием. Девочка же рассеянно, нехотя, видно, что ей скучно. Она то и дело с тоской поглядывает в окно, будто хочет выйти прогуляться, но знает, что это невозможно. Затем снова возвращает взгляд на экран, но не проходит и нескольких минут, как снова разглядывает окно, балкон, на секунду задерживая взгляд на нем.

— Можно мне погулять на улице? — наконец спрашивает она у мамыши с отчаянием. Кажется, ей хотелось бы иметь крылья, как ему теперь их сбросить.

— Зайка, ты же знаешь, там опасно, — сюсюкает мамаша, не отрывая взгляда от экрана. Но глаза у нее злые. — Наш мэр Ю. А. Мороз давно запретил гулять просто так по улицам. Выходить можно только по необходимости, иначе оштрафуют.

— Смотри шоу, — вставляет девушка, капризно поджав губы. — Чтобы попасть туда, нужно посмотреть все серии. Иначе не поймешь, какой надо быть, чтобы туда взяли. Вот подрастешь, и у тебя будут все шансы.

— Зачем мне туда? — спрашивает девочка. — Мне бы во дворе погулять.

— Как зачем? — злится девушка. — Хочешь всю жизнь прозябать в нашем гетто?

— Мне бы воздухом подышать.

— Зайка, ты же знаешь, что воздухом лучше не дышать, — встревает мамаша. — Он заражен. Приняли закон не пускать детей одних на улицу. Хочешь, чтобы мамочку оштрафовали? Слушайся сестру и смотри шоу.

Девочку передергивает, но она сдерживается, закусывает нижнюю губу так, что она белеет, и больше ничего не говорит. Он замечает, что она привязана поводком к мамыше и экрану. Но приглядевшись лучше, замечает, что это вовсе не поводок, а прозрачная трубка, которая заканчивается у ее лба. По трубке медленно тянется от экрана и мамыши что-то похожее на ток. Неспешно это что-то проникает девочке в мозг.

— Хочу погулять с друзьями, — не выдерживая, настаивает девочка. — Им все равно разрешают.

— У них безответственные родители, которые не хотят для своих детей лучшего будущего, — раздраженно говорит мамаша. — На улице один разврат и криминал. Ничего хорошего там нет. Вот смотри с нами шоу, перенимай опыт оттуда.

— Аглая с подругой вчера ходили в клуб, — хнычет девочка. — Почему им можно выходить, а мне нельзя?!

— Там можно найти мужа, — обрывает мамаша. — Они уже взрослые. А тебе нужно с мамой смотреть шоу. Разве ты хочешь, чтобы я осталась одна и смотрела, скучая? Девочка качает головой.

— Ну, вот и молодец, — хвалит мамаша, не отрывая взгляда от экрана.

— Тебе еще кредит на высшее образование пятнадцать лет предстоит отрабатывать, — вставляет девушка. — Нечего раньше времени по улицам шляться.

— Зачем учиться, если все равно нет работы, — равнодушно говорит девочка. — Сами только про это и говорите.

— Тебе гетто образование в долг даст, а ты еще недовольна, — кривится мамаша. — Зато будет профессия.

Девочка молчит и рассеянно водит глазами, будто пытаюсь сфокусироваться на окружающем мире, но не может. Со старшей дочерью мамаша обсуждает героев шоу — кто с кем теперь живет и спит, что модно носить и есть. Девушка что-то записывает в планшет.

Он не может оторвать взгляда от девушки, но что-то в ее поведении и мышлении отталкивает его. Он пытается видеть только хорошее, проникнуть в глубину, но натывается на типичность. И все-таки его тянет к ней, хочется быть рядом и не отпускать.

Девушка вдруг останавливает на нем взгляд и вскрикивает. За ней вскрикивают мамаша и сестра. Малышка аж зажмуривает глаза.

— Что вы делаете на нашем балконе? — возмущенно спрашивает мамаша, глядя на него во все глаза. — Аглая, почему твой голый друг у нас на балконе?

— Он мне не друг! — возмущенно отвечает Аглая.

— Там сидел грач, — вставляет девочка и хохочет. — Я видела.

— Будущий зять грач — как это странно, — выговаривает мамаша.

— Да я его не знаю! — кричит Аглая. — Какой еще зять? Я выйду замуж только в западное гетто — оно богатое. И муж у меня будет богатый. Я была в Доме у гадалки, и она подтвердила. Конечно, не сказала этого прямо, но это подразумевалось.

— Я вас люблю и согласен создать с вами семью, — отвечает он, впервые употребляя вслух человеческую речь. — Я готов на вас жениться.

Девочка снова хохочет.

— Зятек, ну вы весьма в неожиданном виде к нам явились, — вставляет мамаша. — Есть ли у вас собственное жилье? Вряд ли грачу оно необходимо. Но куда вы поведете мою дочь?

— Да, я был грачом, — признается он. — Но теперь я человек. Каждый имеет свою историю.

— А кто это может доказать? — прищуривается Аглая. — Прошлое есть прошлое, его никуда не денешь и не спрячешь. Может, вы уже женаты. Как понять без документов?

— Среди грачей их не требовали.

— А теперь вы человек. Вот и ведите себя по-человечески. Может, у грачей и принято иметь гаремы. А у нас, у людей, нет.

— Да и чтобы жениться, нужен паспорт, — снова вмешивается мамаша. — У вас он есть?

— Пока нет, — расстраивается он.

— Это вам нужно в МФЦ за паспортом, — подсказывает мамаша.

— Вот получишь паспорт, подтверждающий, что ты человек, тогда и поговорим, — заключает Аглая.

Они бросают ему покрывало и выпроваживают за дверь.

Он долго петляет узкими улицами, пока не находит заветный МФЦ — серое каменное здание со множеством окон. На окнах решетки. Перед многоэтажным безо-

бразным строением многокилометровая очередь. У каждого на ладони номер. Он пытается протиснуться вне очереди, но его останавливают.

— Куда прешь? — обрушивается волной крик. — Не видишь, мы тут все стоим, чтобы нас людьми признали?!

— Как, вы тоже бывшие грачи? — удивляется он.

— Ну, а кто же? — хохочет толпа. — Думаешь, один ты мутировал в человека, что ли? Нас тут миллионы! И никто не знает, что с нами делать. Встань в электронную очередь. Вон там, в стене, есть терминал.

Он идет к терминалу и нажимает кнопку на сенсорном экране. На ладони появляется номер — он миллион сто восьмой. Терминал еще выдает планшет. Он не понимает, зачем он нужен, но берет.

Возвращается и встает в очередь последним. Он впервые чувствует злость, укол несправедливости. Такие сильные, подавляющие чувства ему в новинку.

— И что теперь? — спрашивает он у толпы.

— Жди, когда придет твоя очередь. Лучше вообще не отлучаться, чтобы не пропустить. А то потом заново придется стоять.

Он покорно стоит несколько дней. Очередь движется очень медленно. Многие не выдерживают и, сдавшись, уходят без человеческого паспорта. Кажется, это и нужно тем, кто их выдает.

— Такое впечатление, что нас нарочно согнали в этой очереди, чтобы нам расхотелось становиться людьми, — делится он мыслями с ближайшим соседом по несчастью.

— Конечно, нарочно такие условия создали, — иронично хохочет сосед — весь заросший, толстый мужчина с масляными глазами. — А куда нас девать-то всех? И так жуткое перенаселение.

— А зачем нужен планшет? — спрашивает он.

— А без планшета-то сейчас никуда, — подмигивает сосед. — Обязательный атрибут. Но нам-то, бывшим грачам, его выдают, чтобы мы отчитывались на геттоизоляции.

— Что еще за геттоизоляция?

— Как же? — усмехается сосед. — Нам запрещено покидать южное гетто, пока нас не признают людьми.

— Как же нужно отчитываться?

— А на планшете для нас есть специальное приложение по геттоизоляции: три раза в день нужно делать селфи на фоне МФЦ и отправлять в администрацию, — поясняет сосед. — Плюс планшет передает геоданные.

Он стоит еще день, но на четвертый сдается. Даже больше, чем физическое и моральное изнеможение, его тревожит несправедливость происходящего.

— Но как же можно нас не признавать людьми, если мы люди?! — плюется он и выходит из очереди. — Чертова бюрократия!

— А то, что мы теперь выглядим как люди, еще не значит для них, что мы ими являемся, — хохочет сосед.

Он отходит подальше и с тоской смотрит на огромную очередь бывших грачей. Все они с виду люди, но чего-то будто не хватает. Того, что и паспорт не изменил бы.

Он возвращается к дому любимой. Там все так же смотрят шоу.

— Ну что, получил паспорт? — спрашивает Аглая, не отрывая взгляда от экрана.

— Нет, слишком длинная очередь, — отвечает он. — И почти не движется.

— Разве это оправдание? — не глядя в его сторону, фыркает она. — Нужно бежать отсюда — говорят, сюда идет какой-то неизвестный вирус, который усугубит здешнюю нищету.

— Деньги — это не главное, — пытается спорить он.

- Разве только для грачей, — иронично отвечает Аглая, поглощенная реалисти-шоу.
 - Ты права, — соглашается он, опуская голову и впервые ощущая стыд.
- Шоу вдруг прерывается сообщением мэра Ю. А. Мороза.

Из заседания исполнительного комитета совета южного гетто

Сегодня в режиме видеоконференции состоялось очередное заседание исполнительного комитета совета южного гетто.

Материальную помощь в размере 1000,00 (одна тысяча) получит житель гетто — участник боевых действий, который принимал участие в осуществлении мероприятий по обеспечению национальной безопасности и сдерживанию вооруженной агрессии восточного гетто.

Ежеквартальную материальную помощь получают члены семьи погибшего ветерана войны, который защищал независимость, суверенитет и территориальную целостность южного гетто и принимал непосредственное участие в антитеррористической операции, обеспечении ее проведения (по обращению) — жителю южного гетто, по 4000,00 (четыре тысячи), на общую сумму 12 000,00 (двенадцать тысяч); матери детей до 18 лет, отец которых погиб (пропал без вести) в районе проведения антитеррористической операции или при осуществлении мероприятий по обеспечению национальной безопасности и обороны, отпора и сдерживания вооруженной агрессии восточного гетто, обеспечению их осуществления (по обращению) — жителю южного гетто, по 3000,00 (три тысячи), на общую сумму 9000,00 (девять тысяч).

Единоновременную материальную помощь ко Дню защиты детей выплатят матери ребенка до 18 лет, отец которой погиб (пропал без вести) в районе проведения антитеррористической операции или при осуществлении мероприятий по обеспечению национальной безопасности и обороны, отпора и сдерживания вооруженной агрессии восточного гетто, жители южного гетто, по обращению в размере 1000,00 (одна тысяча).

Кроме этого, во время заседания утвердили решение о передаче из материального резерва южного гетто средств защиты и оборудования для дезинфекции от новой неизвестной инфекции.

— Разве гетто воюют между собой? — удивляется он, читая сообщение с экрана, озвученное странным дикторским голосом, похожим на голос робота.

— А разве ты не знал, что мы находимся в состоянии войны с восточным гетто? — усмехается Аглая. — У нас каждый с рождения это знает.

Он пытается вспомнить, но на ум приходят лишь обрывки подслушанных разговоров. Пролетая над восточным гетто, никакой войны он не замечал — о ней лишь отдаленно упоминали, никогда не вдаваясь в подробности. Только сейчас ему кажется ненормальным и диким, когда люди не понимают, откуда и почему на них летят бомбы.

— Нет. А из-за чего война?

— Ну, естественно, ничего ты не слышал, — иронизирует Аглая. — Ты же там летал бестолковым грачом. А они, между прочим, украли у нас пряники.

— Какие еще пряники?

— Как же, не знаешь? Пряничную фабрику! Она находилась на границе с восточным гетто, вот они ее и оттяпали. Отгородили себе за колючую проволоку, и все — теперь она принадлежит их территории. Из-за того, говорят, и война с ними началась сто лет назад. С западным-то они давно воюют. Это я уже не знаю почему — может, из-за престижа. Сколько людей там уже погибло. А война все идет и не прекращается. Восточное гетто фабрику не отдает, а наш мэр говорит, что мы все равно ее назад вернем.

— Ну, хоть материальную помощь выделяют семьям погибших. Да и остальным жителям гетто.

— Ты правда этому веришь? — встречается мамаша. — Наивный! Как инопланетянин. Это ж все только на словах выделяется.

Он не знает, что возразить — слишком много неизвестных ранее грачиному сознанию проблем обрушивается ему на голову. Идет к МФЦ. Очередь по-прежнему не продвигается. Мало того, из-за того, что уходил, он теперь миллион сто восемнадцатый. Но на этот раз он собирается дотянуть до конца — ему стыдно перед любимой. С тех пор как он стал человеком, он все чаще и все больше стыдится самого себя и своих поступков.

Пиликает планшет — пора делать селфи, доказывать, что не покинул гетто. Он покорно подставляет лицо рамке в приложении. Выдает ошибку, и фото получается отпавить только с десятого раза. Сначала просят выровнять лицо по рамке, но как ни выравнивай — оно его не распознает. Затем приложению не нравится, что полужакрыты глаза. Следующая попытка тоже не принимается — приложение улавливает негативную эмоцию и пишет, что недружелюбный взгляд.

Он снова чувствует злость. Эта слишком сильная, изнуряющая, опустошающая эмоция пугает его. Так мало еще прошло времени с момента очеловечивания, а он постоянно находится во внутреннем напряжении и раздражении — эмоциях, которые были ему совершенно чужды, пока он был обычным, пусть и мутировавшим грачом.

На планшет приходит уведомление с настойчивой просьбой сдать материал для каких-то тестов ДНК и об обязательной вакцинации.

— Простите, вы не подскажете, что за тесты ДНК нужно пройти? — обращается он к ближайшему соседу, очень похожему на прежнего, так, что и не различишь. — И какая еще вакцинация?

— Ты что, с луны свалился? — грубо одергивает тот. — Разве не знаешь, что перед тем, как подавать заявление на человеческий паспорт — для чего мы тут и стоим, — нужно сначала сдать биоматериал на тест ДНК. Чтобы проследить родословную, исследовать генетику и убедиться, что мы не переносчики опасных инфекционных заболеваний. Узнать, имеется ли у нас иммунитет, если уже переболели. А вакцинация, само собой, нужна и уже со вчерашнего дня обязательна: северное гетто вон полностью исчезло от какого-то неизвестного вируса. А мы-то еще совсем недавно летали, где хотели, и там в том числе. Могли и подхватить чего. Боятся, что занесем сюда.

— Не буду я ничего сдавать!

— Ну, тогда и не мешай другим, — огрызается сосед. — Тем, кто все-таки хочет получить паспорт и стать человеком — иметь право называться полноценным членом общества.

Но он только раздраженно машет рукой на соседа и уходит. Снова идет к дому любимой. Там все так же смотрят шоу.

— Получил? — требовательным тоном спрашивает Аглая, не отрывая взгляда от экрана.

— Нет. С меня требуют биоматериал, а это унижает мое достоинство.

— Это лишь простая формальность, — злится она. — Разве так трудно сделать то, что говорят? Значит, ты меня не любишь!

— Очень люблю! — говорит он.

— Тогда иди и получи паспорт. Мы должны попасть в Дом. Гетто отмирают. Вчера исчезло северное гетто из-за неизвестного вируса, до него восточное, а сегодня заболевших обнаружили в западном. А вдруг завтра и до нас дойдет. Вот бы мне из центрального гетто быть! Их, говорят, из-за родословной почти всех в Дом берут.

— Да откуда взялся этот вирус? — смеется он. — Я еще недавно там пролетал, и все было хорошо. Откуда эти данные? Кому-то это выгодно.

— Тебе бы только высмеивать нас, — обиженно говорит Аглая, выдавливая слезинку. — Тебе нас не понять — слишком ты мало еще пробыв человеком. А все очень серьезно! А наутро, глядишь, и в нашем южном гетто больные обнаружатся. И мы вдруг пропадем без вести.

Он не может выносить слезы любимой и, ничего не говоря, возвращается к МФЦ. Очередь снова потеряна — теперь он миллион двести первый. Он встает в новую очередь, но тут же пиликает планшет. На дисплее появляется электронная повестка в суд.

— А зачем вызывают в суд? — удивленно спрашивает он у нового соседа, странно похожего на предыдущих.

— Чтобы доказали там, что мы ничего не совершали противозаконного, будучи грачами. Если докажем, это повлияет на скорость выдачи человеческого паспорта.

Снова пиликает новым уведомлением планшет — очередное обновление правил. Теперь, чтобы получить человеческий паспорт, нужно пройти процедуру обязательного внедрения датчика передачи геоданных в лоб. Без этого не выдают страховой полис, который покрывает расходы на лечение неизвестного вируса в случае путешествия. Без страхового полиса выезжать из гетто запрещено.

— А это еще зачем? — возмущается он, скрипя от злости зубами.

— Зачем, зачем? — кривляется сосед. — Какая разница зачем? Главное, чтобы паспорт выдали.

— И тебе все равно, что заставляют делать для этого?

Сосед молчит, очередь не двигается, и все автоматически, будто по команде, подставляют лоб красному лучу из прожектора МФЦ.

Он не выдерживает и снова выходит из опостылевшей очереди. Идет к дому любимой.

— Ну как, получил уже? — машинально спрашивает Аглая, уткнувшись взглядом на стенном экране в телешоу.

— Нет, — виновато, но твердо говорит он. — И не хочу получать. Зачем мне этот глупый паспорт? Я и так знаю, что человек. Не нужен нам Дом. Кто сказал, что там будет лучше? Это иллюзия, мыльный пузырь. Мы и здесь проживем, была бы любовь.

Аглая хохочет.

— Святая простота и наивность — не поможет любовь там, где нет будущего. У тебя нет настойчивости — даже паспорта дожидаться не можешь. Грач — он и есть грач. Не нужна я тебе, значит.

— Очень нужна.

Но она не слушает и тараторит свое:

— Наше гетто вслед за остальными объявили красной зоной из-за наплыва инфицированных грачей. А для жителей красной зоны закрыты границы зеленой зоны Дома. Надо же, еще вчера были оранжевой зоной, а позавчера желтой! Тогда-то свободнее было. Нужно спешить. Говорят, объявят карантин. По прогнозам ведущих эпидемиологов, пандемия продлится, как минимум, до конца Лунного Затмения, если в этом году найдут вакцину. А вот если вакцины не будет или она не будет доступна, то это может продлиться десятилетия.

Он молчит — боится разозлить ее.

Шоу вдруг прерывается прямым эфиром разыгрывания грин-карты. Аглая и мамаша напрягаются в ожидании. Одному ему все равно, что там покажут.

— Сейчас будут отбирать в первый тур! — восклицает Аглая. — Назовут имена тех, кто будет приглашен на прямой эфир второго тура!

— Тебя обязательно выберут, доченька! — трещит мамаша.

Из всего многообразия имен он вдруг различает имя любимой, звучащее с экрана противным механическим голосом.

— Второй тур! — кричит Аглая. — Я прошла! Ура! Теперь меня пригласят на прямой эфир.

Мамаша вскакивает и обнимает ее. Девочка безучастно зевает и снова с тоской смотрит в окно.

— А как же я? — спрашивает он, заранее предчувствуя ответ.

— Ты до сих пор не сделал паспорт? — заносчиво говорит Аглая, не глядя на него. — Я тогда попаду в Дом одна!

Он не понимает, зачем нужно иметь какой-то паспорт, чтобы быть вместе с любимой. Но еще больше не понимает, зачем искать счастья в мифическом Доме. Мелькает мысль, что лучше бы он оставался грачом.

Оставляет планшет и уходит.

ЧАСТЬ 2. ЗЕЛЕНый ДОМ

1. Знакомство

Они идут мимо заброшенной детской площадки, затянутой туманом и опавшими листьями. Обшарпанная четырехлапая карусель оттеняет остатками красного, желтого, голубого и зеленого заржавевшую основу мира. Корабль с желтым рулем завален листьями. Влажно. Ни души. Границы гетто заканчиваются.

Ксения обхватывает руками плечи.

— Вязкий какой-то туман. Ненормальный. Обычный рассеивается внизу, а этот стоит плотной стеной.

— А ты не слышала? — шепчет Аглая, озираясь по сторонам. — Говорят, его специально напустили. Будто бы от загрязнения это. А в туман специально перерабатывают.

Сквозь завесу тумана мутно прорисовываются длинные пальцы красной, оранжевой и желтой листвы. Кое-где оставшаяся зелень отливает неестественно салатным.

— Совсем здесь опустело, после того, как границу провели, — тихо говорит Аглая. — Еще до нашего рождения границ не было, говорят, легче жилось.

— В нашем детстве границы уже были, — задумчиво Ксения. — Но мы-то не помним всех сложностей.

Они подходят к колючей проволоке.

— Только бы не пришлось часами ждать.

— Не должны, — уверенным тоном Аглая. — Это когда в гости, тогда и не выпустить могут.

На пропускном пункте называют цель визита пограничникам. Их обыскивают с собаками. Сканируют документы. Выпускают в нейтральную зону.

Ксения ежится.

— Ты точно уверена, что нас туда пустят?

Они нерешительно останавливаются у массивного зеленого забора. Шпилевидное высокое здание зеленой стеной виднеется впереди. Тяжелые дождевые тучи нависают над Домом. Пахнет сыростью и осенними сухими листьями. Из гетто, откуда они вышли, тянет паленым.

— Ну, конечно! К гадалке обывателей пускают просто так.

— Почему именно к гадалке всех пускают?

Аглая пожимает плечами.

— Не знаю, но половина моих подруг у нее уже побывало. Единственное условие — для посетителей из гетто отдельный лифт. Может, пиар-компания какая — Домом заинтересовать. Чтобы туда еще больше хотели попасть.

Ксению передергивает.

— Куда уж больше — и так все только об этом и думают в гетто. Мне страшно туда идти.

— Ерунда! — раздражительно. — Там такие чудеса творятся, говорят. И снежные горы есть, и даже свое море. Комнаты какие-то, будто порталы безразмерные, что ли. И штука какая-то есть, что времена года им переключает, температуру регулирует. А мы тут в осени варимся. Пойдем, насмотримся элитной жизни. Как только потом домой возвращаться и дальше жить? С тоски помрем.

— Да сон вчера снился, будто стою я перед огромным колесом обозрения, а оно на моих глазах рушится, падает. Прямо на меня.

— Ну, и чего? — равнодушно Аглая.

— К переменам это каким-то. Кардинальным. А я боюсь перемен. Но внутренне уверена: войду в этот Дом, и перемен не избежать.

— Да ведь и надеемся же про перемены услышать. Или хочешь всю жизнь с мамашей прожить в южном гетто? Дорогуша, тебе ведь тридцать через год.

— И что? — Ксения морщится, рассеянным взглядом обводя подругу. — Не понимаю, при чем здесь возраст.

— Пора о семье и муже думать, а ты все в облаках летаешь.

— Семья не создается для галочки.

— Семья — это важно, — поучительно говорит Аглая. — Нужно рожать, пока энергия есть. Ты же знаешь, до тридцати многие и не доживают. Экология совсем ни к черту. А все эти стипендии, грин-карты и бешеная конкуренция в Дом?

Ксения молчит и рассеянно смотрит по сторонам.

— Наше дело размножаться, — продолжает Аглая. — Нас же все меньше и меньше, и нужно сохранить род. Каждый день с экрана вещают. Возможно, даже жертвуя собой. Вон как лососи. Не слышала разве про них?

Ксения мотает головой.

— Большинство лососей после нереста погибает. Во время нерестового хода у них изменяется окраска, вырастает горб, чешуя погружается в кожу, на морде вырастает роговой клюв, а часть внутренних органов вообще исчезает. На обратном пути к малой родине лососи не едят, поэтому пищеварительные органы у них атрофируются, и до самой смерти рыбы живут на накопленных запасах жира.

— Ну, и зачем подобный садизм устроен природой?

— Ясно же зачем: чем ярче особь, тем легче ей привлечь к себе внимание противоположного пола. Это как у женщин с красной помадой или каблуками, а у мужчин с деньгами и спортзалом.

— Хорошо, что лососям еще не нужно качать губы и другие места.

— Смейся, смейся. А рожать мы обязаны. На что только не пойдешь ради того, чтобы создать семью и продолжить род.

— И все равно от кого? — иронично говорит Ксения.

— Ну, если хоть немного нравится, нужно брать. Вот чем тебе не такой тот качок из восточного гетто? При бабках же, из криминальной местности.

— С ним не о чем говорить. Да и любовь же должна быть, чувства какие-нибудь, мурашки. У всякого по-разному.

— Чепуха, мы не в том возрасте, чтобы играть в весну да в любовь. Я вон хочу в западное гетто выйти замуж, оно самое богатое. Хотя и из него все в Дом хотят.

— Ну, в западном гетто хорошо своим, местным. А наши там как дешевая рабочая сила: пашут на плантациях овощей за еду и жилье в вагончике.

— Надеюсь, гадалка нагадает мне богатого мужа.

— А мне кажется, я свое будущее и так знаю, — с тревогой Ксения. — Я во сне мужчину с голубыми глазами видела.

Ксения замирает на полуслове.

— Вам чего? — электронный голос из забора.

— А мы к гадалке, — Аглая громко.

— Электронный пропуск есть?

Разноцветный радужный луч медленно сканирует обеих. Что именно сканируют? Мысли, намерения? Самую суть, душу, которой, все чаще говорят, нет? Но нет, скорее всего, банальный чип.

Щелчок, забор раздвигается.

— Проходите. В Доме для вас отдельный лифт.

Они входят в зону Зеленого Дома. Идут по дорожке, вязкой от тумана, обсаженной с двух сторон пожелтевшими навсегда деревьями. Нескончаемая осень. Умирающая природа. Проекторы расстилают сквозь туман полосы света, выхватывая из мрака корчащиеся в предсмертных судорогах листья. Шуршание смерти. Луч мечется, будто не знает, какую дорогу выбрать. А дорога всего одна. Вперед. То освещенная светом, то погруженная во мглу. Запах увядания. Запах старости. Кругом невидимые глаза видеокамер. Маленькие красные огоньки. Они повсюду. Фиксируют промозглую пустоту. Тревожно. Предчувствие разливается по телу. Ксения инстинктивно замедляет шаг. Не хочется спешить. Чувство раздвоенности. Былое надоело, будущее пугает, требует выхода из зоны комфорта. Выхода из себя. Что лучше? Лучшего нет. Есть неизбежное. Есть перемены, от которых не деться, не отвертеться, которые не зависят от выбора. Точнее, подмывает вцепиться в старое, отказаться от нового. Но вот не можешь, не хочешь, а возможно, хоть и хочешь, да не можешь. Добровольная клетка. Подсознательная судьба.

Аглая трогает ее руку. Пришли. Перед ними огромная стена травянистого цвета. Зеленый Дом возвышается до самых грозовых туч, будто вбиваясь шпилем в край планеты. Над массивной железной дверью возникает разноцветный радужный луч и сканирует обеих. Дверь медленно раздвигается, точно в купе поезда. Они нерешительно входят. В нос ударяет волна приторно ягодного запаха. На них обрушиваются потоки света, стекла, шума и людских голосов. Многоярусные прозрачные стеклянные строения, похожие на витрины магазинов. Кругом длинные разноцветные трубы, уходящие вверх.

— Похоже на торговый центр, — восхищенно шепчет Аглая.

— На один сплошной торговый центр, — кивает Ксения, не разделяя восторга. — Эти ярусы давят.

— Да, темп жизни здесь бешеный. Здесь тебе не сонная заплесневелая наша родина.

К ним приближается ухоженный непонятного возраста мужчина в странной зеленой униформе и расплывается в неестественно слащавой улыбке. Когда он улыбается, его светлая козлиная бородка еле заметно подрагивает. Поверх футболки и штанов на нем надет передник. На голове колпак, точно у повара. С головы до ног зеленый, точно новогодняя елка, которую отменили еще в прошлом веке.

— Чем могу помочь? — говорит натужно, хорошо отрепетированным тоном.

— Нам к гадалке, — первая находится Аглая.

— Конечно, я вас провожу.

— А кто вы? — спрашивает Ксения, недоверчиво осматривая услужливого мужчину-повара, с лицом, похожим на маску. — Швейцар?

— Администратор, — с улыбкой отвечает мужчина, но в глазах появляется раздраженный блеск, а в голосе стальные нотки. — Здесь у нас не гостиница, а городской жилищный комплекс. Многофункциональный центр.

- Да, конечно, извините.
- Ничего, ничего. Пройдемте.

Он подводит их к самой отдаленной трубе оранжевого цвета. Аглая подмигивает Ксении. Администратор прикладывает к трубе ладонь, после чего загорается маленькая зеленая кнопочка.

Ксения с тревогой смотрит сначала на трубу, затем на администратора. Страх змеяй расползается по телу.

- Что это?
- Специальный лифт для посетителей из гетто.

Аглая заливается ироничным смехом.

- Чтобы знали свое место?

— Такие правила, — сухо отвечает Администратор все с той же натянутой улыбкой.

По выражению блестящих стальных глаз понятно, что он недоволен.

Невидимая дверь раздвигается, образуя в трубе пространство наподобие пластиковой клетки в разноцветных мигающих огоньках. По телу Ксении проходит дрожь.

Первым входит Администратор, за ним Аглая.

— Я туда не пойду, — говорит Ксения, чувствуя, как подкашиваются ноги. — У меня клаустрофобия.

— Без лифта никак не добраться, — академическим тоном говорит Администратор, вроде бы учтиво, но глаза его смеются.

Аглая быстрым жестом хватается за руку Ксении и втаскивает в лифт. Дверь закрывается, и клетка со скоростью ракеты устремляется вверх. Но скорость не чувствуется. Удушье сковывает горло. Ксения сглатывает, пытаясь не шевелиться. Оцепенение. Мигающие огоньки отдаются в животе и ползут вверх, к самой грудной клетке, застревая в гортани. Какой-то приторный ягодный запах усиливает тошноту. И вместе с тем какой-то невыносимый холод пронизывает нутро. Такое впечатление, что чем выше они поднимаются, тем сильнее холод. Ксения ежится.

- Почему так холодно? — спрашивает она.
- В Доме сейчас зима, — снисходительно отвечает Администратор.
- Почему же нет отопления?
- Чтобы сильнее ощущалась смена времен года. Здесь соскучились по разнообразию.

Ксению трясет — она никак не может справиться с ощущением холода, которое идет изнутри, будто там замерзают внутренности.

- А как лифт понимает нужный этаж? — удивленно спрашивает Аглая.

Администратор снисходительно расплывается в очередной фальшивой улыбке.

— Он считывает мысли. Не переживайте, остановится ровно на девятнадцатом, куда вам и нужно.

- А сколько здесь всего этажей?

— Много, — нехотя отвечает Администратор и отворачивается, давая понять, что расспросы нежелательны.

- Ясно, информация только для своих, — со смехом замечает Аглая.

— В Доме, в общем-то, сарказм непопулярен, — сухо парирует Администратор, каким-то образом умудряясь при этом сохранять приросшую к лицу сахарную улыбочку. — У нас табу на черный юмор и прочий негатив.

- Простите, простите, — хохочет Аглая.

Администратор пронизывает ее неодобрительным взглядом.

- На излишнюю веселость тоже. У вас слишком громкий смех.

- Вам он мешает?

- Он производит слишком много шума.

- Шума у вас и так достаточно.

- Споры у нас также не приветствуются. Это болезнь гетто, у нас ее нет.
- Что же, у вас совсем не спорят?
- У нас не из-за чего спорить. Все довольны.
- Все довольны, но все запрещено. Ну хоть что-то разрешено?
- Во всем должна быть учтивая умеренность. Крайности вызывают беспокойство.

А у нас мирное сообщество схожих людей.

- Чем схожих? — подмигивает Аглая.
- Характером.
- Да не может быть такого, чтобы у всех был одинаковый характер.
- Почему? Все, кто попадает в Дом, придерживаются схожих ценностей, мышления и поведения.
- Каких же ценностей?
- Позитивных.

Аглая хохочет. Администратор еле заметно кривится, делая вид, что не замечает смеха.

— А что это за запах? — спрашивает Ксения, пытаясь справиться с тошнотой. — Будто клубничный сироп разлили.

- Это для хорошего настроения.
- В каком смысле?
- Для поддержания правильного настроя. Вы обе задаете слишком много вопросов.
- А обычно задают мало? — не унимается Аглая.
- Обычно все едут в молчании и благоговении перед Домом. Но мы ничего не скрываем и всегда готовы ответить на вопросы любопытных. Мы открытое общество.
- Ну, естественно, — не успокаивается Аглая. — Скучно тут у вас, блекло вы живете.

Больше всего Аглая хочет попасть в Дом, но понимает, что для нее это невозможно. Сознание невозможности рождает иронию. Никто так не благоговеет перед Домом и его жителями, как Аглая. И одновременно никто так не принижает значения Дома, как Аглая. Скрытые амбиции. Неуверенность в будущем. Страх. Страх всегда рождает иронию. Кто не боится, тот не скрывается за сарказмом. Она, Ксения, знает, что попадет. Вот сейчас, скоро. Но это не радует, а давит. Дом не нравится ей. Она боится Дома. Но это другой страх, за сарказмом его не спрячешь. Страх выбора. Страх, что решение принято до возможности выбора.

Лифт останавливается. Первым выходит Администратор.

Перед ними открываются лабиринты из коридоров и прозрачных стеклянных помещений, напичканных людьми и экранами на стенах.

- Что здесь? — спрашивает Ксения. — Это жилые помещения, квартиры?
- Здесь все вперемешку — и квартиры, и офисы, и все остальное, — сухо, но учтиво отвечает Администратор. — Мы это все здесь называем аквариумами.
- А похоже на сплошные магазины.
- Главный архитектор ими вдохновлялся при проектировании Дома.
- И долго его строили?
- А вы разве не слышали о 5D-принтере? — с дружелюбной улыбочкой спрашивает Администратор. — Вопрос времени уже давно не стоит при строительстве.
- А к нам в гетто такие технологии не доходят, — иронизирует Аглая.
- Скорее всего, и не дойдут, — заключает Ксения.
- Администратор оценивает их взглядом, в котором читается превосходство.
- А я бы тоже не против сделаться администратором, — шутит Аглая. — Не подскажите как?
- Для вас никак.

— Почему это? — обиженно говорит Аглая. — У вас и денежную систему отменили, что ли?

— У нас администраторы только мужчины.

— Что за сексизм? — оскорбленно.

— Это должность для геев. А женщин ни в коем случае никто не притесняет. Они у нас работают, где хотят. Для феминисток у нас отдельные почетные должности — они даже выбирают сами, чем хотят заниматься.

— Ну, тогда ясно. Действительно, где хотят, — саркастично Аглая.

— Здесь все на своем месте и всем довольны, вам не понять. Каждый находит свою группу, и никто не чувствует себя одиноким или непонятым, как у вас в гетто. Приятно работать среди единомышленников. У нас очень терпимое общество. Там, откуда вы, такого не было никогда.

Аглая пытается что-то возразить, но администратор перебивает:

— Ну вот, гадалка живет и принимает здесь. А я подожду вас тут.

Он указывает на кресло под цвет лифта-трубы, у которого оно стоит.

К ним подходит еще один зеленый мужчина-повар.

— Пожалуйста, следуйте за мной. Я администратор этого этажа.

Первый усаживается в кресло. Они следуют по одному из коридоров за новым мужчиной-поваром в такой же странной зеленой униформе. За стеклянными прозрачными стенами без дверей снуют улыбающиеся люди, занятые своими делами.

— Почему везде прозрачные стены и нет дверей? — спрашивает Ксения.

— Здесь все демонстрирует открытость и доверие миру, — холодно-невозмутимо, но учтиво отвечает новый администратор, мимикой и жестами походя на оставшегося в кресле.

— Даже в жилых квартирах? — удивляется Аглая.

— Здесь нет воровства, как в ваших гетто, — с подобострастием отвечает Администратор и больше не раскрывает рта.

Ксения исподтишка наблюдает за ним, пытаясь проникнуть в его мысли. Действительно ли он так думает? Или его научили так думать? Черные волосы его собраны в низкий хвостик под зеленым колпаком. Редкие усики обрамляют тонкие, плотно сжатые губы. Когда он смотрит на собеседника, то прищуривает глаза, будто видит его не рядом, а разглядывает через подзорную трубу и никак не может поймать его взгляд, сколько ни наводит резкость. Ксения догадывается, что это какой-то дефект зрения, нарушение фокусировки.

Они идут мимо прозрачной стеклянной комнаты со множеством столиков и стульев, очень похожей на вагон-ресторан. Какая-нибудь столовая или кафе, догадывается Ксения. Она замечает, что там много мужчин и ни одной женщины. Все одеты в костюмы. Корпоративный ланч? Взгляд ее задерживается на кучке высоких, как на подбор, мужчин. Все они очень похожи внешне и одинаково одеты, будто члены какой-то секты или объединения. Скорее всего, дресс-код какой-то фирмы.

Один мужчина вдруг оборачивается и встречается с ней взглядом. Ксения останавливается. На нее смотрят голубые глаза. Только не это. Девятнадцатый этаж станет ее тюрьмой, ее гробом. Ее необъяснимо тянет к нему и одновременно пронзает чувство, что с ним что-то не так. Но что именно, она понять не может. Какая-то странность, загадочность, манящая и одновременно отталкивающая, вызывающая отвращение. Желание вперемешку с отвращением.

Мужчина медленно выходит из кафе и останавливается перед ней. Они не произносят ни слова, просто смотрят друг на друга. Она тонет в этом взгляде, он обволакивает, он узнаваем. Хочется, чтобы он остался стоять рядом, но и чтобы ушел. Непонятное чувство родства и отторжения одновременно, радости и тревоги.

Она рассматривает незнакомую внешность. Очень высокий, длинные светлые волосы. Еле заметная бородка. Глаза то смотрят не отрываясь, то скользят куда-то в сторону. Наглость вперемешку со смущением. Длинное, худое тело. Только сейчас она замечает, что одет он по-другому, не так, как все. Ярко-красная рубашка режет глаза. У всех остальных зеленые. И только костюмы у всех бледно-оливкового цвета. Из зеленого у него только шарф, небрежно намотанный на тонкую шею. Пристальный голубой взгляд, готовый съесть. Масленный, пьянящий.

Ксению окликает Администратор, и она следует за ним, не оборачиваясь. Она знает, что тот смотрит, что это навсегда. Знает и упрямо идет к гадалке, зная заранее, что она скажет, зная, что идти бессмысленно, что выбор сделан, что решение принято, что оно заложено в подсознании.

Они останавливаются у большой прозрачной стеклянной квартиры, оборудованной под старинный частный дом из провинциальных деревенских гетто. Будто ожившее воспоминание, совершенно не вписывающееся в окружающее пространство из современных стеклянных и белых округлых линий. Прозрачное жилище бабушки из древней сказки.

Администратор молча указывает рукой на проем двери и останавливается, давая понять, что внутрь он не идет. Немногословный парень. У входа девушек сканирует радужный луч, раздается еле уловимое жужжание. Звонок, понимает Ксения. Странно слышать звонок, когда можно видеть практически все, что происходит в квартире. Старая, сморщенная, к ним навстречу медленно шаркает женщина с ярко-рыжими, торчащими во все стороны патлами, одетая в какой-то мешковатый зеленый халат в огромных и безвкусных красных цветах. На ногах гламурные розовые тапочки. Идет медленно, описывая вокруг себя выцветшими болотными глазами какие-то круги и что-то бормоча под нос.

Останавливается у проема и, не глядя на девушек, приглашает жестом за собой. Они подчиняются и через коридор, отражающий милую владелице старину, проходят за старухой в гостиную.

— Ностальгия, — замечает Гадалка, предвосхищая вопрос Ксении. — Аквариум можно было оборудовать как угодно с этим новомодным принтером, но я все по-старому дому скупаю, вот и попросила, чтоб все, как там, воспроизвели. Сентиментальная стала.

Ксения кивает.

Старуха указывает рукой на пружинистый диван.

— Одна здесь жди. Вторая за мной.

Ксения пропускает светящуюся восторгом Аглаю и садится на диван. Сердце колотится, руки потеют. Она кажется самой себе мошенницей, аферисткой.

Старуха с Аглаей проходят на кухню. Ксения видит, как Гадалка раскладывает перед ней пасьянсы, но быстро отворачивается. Странное нарушение личного пространства глохнет ее.

Минут через десять выходит задумчивая, расстроенная Аглая. Ксения пытается встретиться с ней взглядом, но та его старательно отводит. Молча садится на диван и делает вид, что рассматривает узоры на старомодном покрывале. Не то услышала, что хотела. Все ясно.

— Теперь ты, — говорит старуха.

Ксения следует за медленно шаркающей Гадалкой. На кухне садятся за стол. Рука старухи медленно застывает в воздухе на пути к картам. Она поднимает глаза и внимательно вглядывается в Ксению.

— А ты зачем пришла? И так все знаешь! Судьба-то твоя уже решена.

— Знаю, — тихо говорит Ксения.

— А раз знаешь, что здесь останешься, то и нечего время терять.

Ксения приподнимается.

— Подожди, — подмигивает старуха. — Я ведь не только гадаю-ворожу, я еще и серьезная ведьма. Хочешь, вылечу? Я тут всех лечу.

Ксения мотает головой.

— Мутные здесь все, туманные. Я самая адекватная здесь, меня огород спасает. От экранов их и глупых мероприятий отказалась, человеком себя хоть чувствую.

— У вас здесь есть огород?

— А то, — подмигивает старуха. — Все как раньше, на воле. А то совсем здесь помещаешься без этого. Я бы в жизни в коробку эту стеклянную не перебралась, да больно должность у меня ответственная здесь. Самая ответственная после мужа твоего.

— У меня нет мужа.

Гадалка выставляет перед ней указательный палец с грязным ногтем.

— Не дерзи. Сама еще прибежишь ко мне за адекватностью. А как гадалка я тебе не нужна. Сама все о себе знаешь. Умеешь себя слушать. Это редкое качество. Таким гадалки не нужны. А вот подруге скажи: попадет она сюда тоже, пусть не переживает. Да вот счастья это не принесет, метаться будет. Любовь у нее на воле останется. А вот западного гетто ей не видать. Не судьба.

— А мне принесет?

Старуха хмыкает.

— Да ведь сама знаешь. Нет здесь счастья. На ягодах все сидим. Заметила запашок небось.

— Заметила.

— Ну, вот. А дальше сама увидишь.

Ксения прищуривается.

— Вы так уверены, что я захочу здесь остаться?

— Да ты сама уверена, — усмехается гадалка.

Ксении не нравится эта усмешка. Не нравится эта уверенность. Именно потому, что правдива. Ей хочется отрицать. Но все будто перемешано, и прошлое приобретает ягодный привкус, а будущее окружено туманом.

— Почему в квартирах прозрачные стеклянные стены?

— Вопрос этот лучше муженьку задашь. Хотя он не ответит. Здесь никто не отвечает на вопросы, все загадками говорят. Привыкай. И не квартиры они называются, а аквариумы.

— Почему аквариумы?

— Разве непонятно? Живем, точно рыбы в аквариумах, и все на нас глазят.

— А как это загадками?

— Метафоричными строками. Это муж твой придумал, а губернатор поддержал. Ты им вопрос, они тебе ответ стихом-загадкой. И понимай как знаешь.

— Зачем это?

— Закон про язык.

— Зашифрованными, завуалированными метафорами в стихах разговаривают. Такой закон в Доме о языке принят. Это особенно касается ответов на вопросы. Или еще когда хотят что-то сказать личное, то говорят: пришлю стих. А собеседник должен разгадать. Бесит чрезвычайно. Но я плюю на этот чертов закон. Гадалка я одна, потому и терпят. Я тут на особом счету. Потому что будущее считываю. Переживают они за будущее. Планов настроили, а в будущем не уверены. Хотят быть уверены, что ничего не случится с их новым мирком.

— А не случится?
 — Кто знает, кто знает. От катаклизмов ничто не застраховано.
 — Вы не видите точно?
 — Смешно, дорогуша. Кто может видеть точно? Жизнь — это поток и ни в чем нет безопасности. А они хотят все контролировать. Думают, если построили новое общество, то все будет стерильно и навеки. Самая большая иллюзия.

— Ну, некоторые вещи вы видите... Что все же насчет стеклянных прозрачных стен?
 — Вот прицепилась. Ну, хотят показать, какое безопасное общество построили. Всю ту же мнимую безопасность выпячивают. Мол, ничего не скрываем, вся жизнь наружу. Единственная затемненная комната — ванная. Остальное будто круглосуточное реалити-шоу.

— А спальня?
 — Ровно в двенадцать она тоже сама затемняется. До утра.
 — Какой-то бред.
 — Привыкай. Ну все, хватит, — неожиданно раздраженным тоном перебивает Гадалка. — Уходи.

— Ну и прощайте! — говорит Ксения и резко встает.
 — До свидания, — иронично перебивает старуха и подмигивает. — Злись не злись, а ты все решила. Вот только думаешь, что не решила. Слишком много думаешь — от этого всегда проблемы.

Ксения еще больше раздражается и почти бежит к выходу, не замечая скучающей и приунывшей Аглаи. Та догоняет ее.

— Ты чего? — спрашивает она, хватая за руку Ксению.
 — Ничего.

Администратор ведет их назад теми же коридорами мимо стеклянно-прозрачных квартир и офисов, магазинов и общественных учреждений, перемешанных между собой, расположенных на первый взгляд как попало и в то же время будто по тщательно продуманному плану. Безумному, хаотичному плану. Плану, который придумал не совсем здоровый человек, с каким-то лоскутным, мозаичным, обрывочным мышлением. Но и Гадалка говорила, что здесь все нездоровы.

Они снова проходят мимо кафе. Мужчина с голубыми глазами ждет. Ксения автоматически останавливается.

— Как тебя зовут? — спрашивает Ксения.
 — Тупанов, — говорит он и протягивает ей руку.

Ксения морщится и принимает рукопожатие. Теплая рука отдается где-то глубоко внутри. Что-то в нем чувствуется странное, но она не понимает что.

— Что это за имя такое?
 — Никнейм. Мы здесь все под никнеймами, а не именами.
 — И кто это придумал?
 — Я. Как и сам Дом. Я главный архитектор всего.

Он то смотрит не отрываясь, то будто боится встретиться взглядом. Он и раздражает ее, и привлекает одновременно.

Молчание неизбежности.

— Ты готова остаться?
 — Да. А меня оставляют? Это запрещено — оставаться, не выиграв стипендии.
 — Конечно. Только ты должна остаться сейчас.
 — Браки между Домом и гетто запрещены.
 — Это все твои сомнения. Я могу жениться, на ком хочу.
 — Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Если ты останешься, то назад дороги нет. Из Дома выходить нельзя. А гетто нет сюда ходу. Ты не увидишь больше родных.

— Даже на свадьбе?

— Свадьбы все равно у нас запрещены, как и вся их банальная атрибутика, особенно белые платья.

— Как Новый год с елками, что ли?

— Да.

— Почему?

— Потому что все это атрибуты старого общества, до революции, а мы создаем новое. Дети должны расти в здоровом обществе.

— Разве была революция?

— Ну, конечно. Дом и есть революция. Гетто уходят в прошлое.

— Как же у вас женятся?

— Просто начинают жить вместе. Простота — залог счастливого будущего нашего общества. А еще безопасность, открытость и доверие. Тебе нужно учиться доверять. В тебе много сомнений.

— Как же тогда разводятся? Перестают жить вместе?

— А у нас нет разводов.

— Как это?

— Вот так. Слишком это морально тяжело и много несет негативности. А у нас общество легкости и позитива. Но тебе нужно придумать никнейм.

— Зачем? Я хочу быть под своим именем.

— У нас такие правила. Будешь Koroleva.

— Почему?

— Ты проявила несогласие, индивидуализм. А у нас общество коллективизма.

— И ты после всего этого думаешь, я останусь?

— Конечно.

Голубые глаза пронизывают насквозь.

Аглая дергает ее за руку.

— Идем?

Минутная нерешительность.

— День заканчивается, — напоминает администратор. — Вечером посещения Дома запрещены.

— Какой короткий день, — рассеянно говорит Ксения. — Прошло не так много времени.

— Между гетто и Домом разница во времени в четыре часа.

— Почему?

— Так принято. В Доме сокращенный световой день.

— Так ты идешь? — с тревогой переспрашивает Аглая. Глаза ее блуждают, будто только и ждут, чтобы выбраться отсюда.

— Нет.

Ксения вздрагивает от неожиданной для самой себя твердости в голосе.

Удивленный взгляд Аглаи скользит по ней, пытаясь прочитать подтекст, проникнуть вглубь. Но не успевает Ксения опомниться, как администратор с косыми глазами уводит Аглаю.

Только слышится эхом, что он говорит Аглае:

— Мы очень рады, что вы воспользовались нашим многофункциональным центром. Раз — и нет уже ничего, связывающего ее с прошлым.

Выбор сделан.

Тимапов не отрывает глаз.

— Идем в наш аквариум?

— Идем.

Он берет ее за руку и ведет стеклянными прозрачными коридорами.

Тимапов ускоряет шаг.

— Зачем так спешить? — удивляется Ксения.

— Скоро везде выключится свет. Мы должны успеть до комендантского часа.

Ксения замечает на его пальце кольцо.

— Ты женат?

Она вырывает руку. Они останавливаются.

— Ты слишком подозрительна.

— Тогда зачем кольцо?

— Оно не на том пальце.

— На том самом.

— Ты очень наблюдательна.

— Так ты женат?

— Я же говорил, что у нас нет как таковых ни браков, ни разводов.

— Ты виляешь.

— Я искренен с тобой.

— Ты закрыт и обижаешь меня.

— Я не хочу этого.

— Так что же?

— Да, я был женат. Но это все в прошлом.

— А кольцо?

— Кольцо — это мелочь.

Ксения морщится. Тимапов снова берет ее за руку и увлекает стеклянными прозрачными коридорами. Она идет нехотя, оборачивается.

Они подходят к аквариуму, останавливаются. Свет еще горит. За прозрачным стеклом, будто в настоящем аквариуме, видно всю обстановку. Квартира похожа на одну сплошную библиотеку. От пола до потолка высятся колонны книг. Книги повсюду — даже навалены пирамидками посреди комнаты.

У входа в аквариум, за его спиной, она видит тень. Сначала блеклую, грязно-серую, бесформенную. Затем тень принимает женскую форму. Откуда-то слышится еврейская мелодия.

Ксения невольно делает шаг назад.

— Что это?

Тимапов оборачивается.

— Что?

Но тень растворяется, рассасывается, исчезает, оставляя легкий сероватый дымок, пахнувший серой.

— Тень. Чья она?

— Какая тень?

— Женщины. Кто она?

Тимапов усмехается.

— Никакой тени нет. Тебе показалось.

— Я видела женскую тень за твоей спиной.

— Ты не могла ее видеть.

— Но я видела. Это твоя бывшая жена?

— У каждого есть прошлое.

- Это она?
- Она не помешает нам. Не думай о ней.
- Ты говоришь загадками.
- Привыкай.
- Ты меня любишь?
- Ну, сильная и порывистая любовь — это уникальное явление, — пожимает плечами Тимапов. — Был бы я счастлив в своем браке, тебя бы здесь не было.
- Как это понимать?

Он не отвечает и втягивает ее за руку в аквариум. Он поделен на условные сегменты-комнаты, разделенные стеклянными прозрачными перегородками.

Чувствуется, что до двенадцати остается несколько минут, но часов нигде нет. Официальный костюм на нем исчезает — вместо него появляется красный старомодный спортивный костюм из велюра.

— Это костюм бабушки — она носила его перед смертью. Она тоже была, как и ты, из южного гетто.

Ксения замечает, что старая ее одежда, в которой она пришла в Дом, — футболка и джинсы, тоже пропала, а вместо нее появилась шелковая ночнушка ягодного цвета. Она слишком откровенная, и ей кажется, что она голая.

— Почему на мне другая одежда? — спрашивает она.

— Аквариум считывает мои предпочтения. Теперь ты замужняя и должна считаться с моими пожеланиями.

Ксения чувствует мурашки, бегущие по всему телу, и ей кажется, что не только ее мысли, но и они тоже желают сбежать.

— Мне холодно.

— Ничего, я тебя согрею.

Они медленно обходят склад книг и проходят в спальню. Огромная кровать обложена со всех сторон стопками книг.

— Почему книги лежат как попало?

— Мне так нравится.

Ксения замечает единственное окно, пытается его открыть, чтобы подышать вольным воздухом, но окно оказывается муляжом. Последнее, что ей запоминается — парящий в воздухе грач. Пролетая мимо, он будто специально наклоняет голову и заглядывает в душу. Наступает резкая темнота. Свет выключается — комендантский час.

2. Лайки

Говорят, что сон — маленькая смерть. Во время сна душа отделяется от тела и путешествует по многочисленным мирам. Вот почему так трудно просыпаться утром — она бродила бы этими лабиринтами вечно и просто не хочет возвращаться в тело.

Ксения просыпается от странных звуков. Ягодный запах исчез — видно, на ночь его отключают. Минуту глаза привыкают к темноте, но перед тем, как увидеть очертания комнаты, на мгновение взгляд окутывает непролазная тьма, приобретая форму недавно виденного грача. Жуть охватывает сознание. Еле уловимое колыхание воздуха. Что-то подрагивает рядом, будто трясется в мелком ознобе. Сознанию никак не удается уловить происходящее.

Медленно, будто высвобождаясь из тягучего болота, Ксения вспоминает, где находится. Ее охватывает тоска. Она не дома. Тоска сменяется осознанием, что она не одна. Ксения медленно поворачивает голову. Небесного цвета глаза напротив смотрят рассеянно, отстраненно, будто сквозь нее. Рот полуоткрыт, легкий стон. Глаза засты-

ли и будто не видят ее. Легкие судороги проходят по всему его телу. Замерз? Не может быть — в спальне душно, будто жарким летом, о котором она читала в книгах прошлого. Видно, на ночь все-таки отключают зиму.

Она пытается позвать его, но он не слышит. Тряска усиливается. Ноги стучат по кровати, губы дрожат. Внутри Ксении все леденеет — она не может оторвать жуткого взгляда от странного зрелища. Что с ним? Может, душа вылетела из тела и не хочет возвращаться? Ей кажется, он сейчас умрет. Прямо в эту секунду. Странные мысли лезут в голову. Что она будет делать с телом? Мертвый в ее постели. Ужасная ситуация. Но отчего он умирает, почему ему плохо? Перед глазами картина утра. Весь Дом просыпается, а у нее в постели труп. И она даже не может объяснить, что случилось.

Ксения замечает, что глаза его проясняются, в них появляется признак осознанности. Она дотрагивается до его плеча. Он вздрагивает и окидывает ее слегка обезумевшим, но уже более осмысленным взглядом.

— Тебе плохо? — шепчет она. Губы запеклись и потрескались от жары и волнения.

— Нет, — протягивает он странным голосом. Это «нет» звучит слишком неестественно и убедительно.

— Почему тебя трясет?

— Небольшой приступ.

— Приступ чего?

— Просто приступ. Не спрашивай.

— Это все очень странно...и страшно.

Он через силу улыбается, но губы его до сих пор подрагивают.

— Не паникуй. Просто обними меня.

Она нерешительно обнимает. Ее охватывают противоречивые чувства — жалости и омерзения одновременно. И щемящей любящей тоски. А еще разочарования, что все это происходит именно с ней. С кем она связалась? Больной чем-то человек. Одновременно ощущение, что не могла не связаться. Растерянность, тревога, страх. Попытка собраться, сконцентрироваться, успокоиться.

Глаза напротив смотрят мягко, ласково, нежно, будто извиняются. Вдруг отчего-то становится спокойно и хорошо. Тревога рассеивается. Сон сам поглощает ее, но ненадолго. Мысли вертятся, клубятся. Ей неудобно с ними. Ночь длится целую вечность. Наступит ли утро? Говорят, из-за экологических проблем утро давно само не наступает. Утро вызывают искусственно. Какими-то сверхсильными магнитами притягивая солнце, которое слишком отдалилось. Ночи длинные, холодные, темные. Говорят, от них прививают, как раньше прививали от гриппа. Тогда организм не чувствует перепадов. Ночь представляется обычной, как и век назад. А ночь теперь маленькая смерть. Холодная, темная могила для сознания. Временные рамки смещаются, и можно увидеть будущее. Или отдаленное прошлое.

Ксения открывает глаза. Теперь светло. Утро. Ягодный аромат снова разливается в воздухе. Аквариумы кругом просыпаются, оживают. На стенах активизируются огромные экраны. Мелькают чаты. Они мельтешат и сменяют друг друга. Ники и сообщения то появляются, то исчезают. Слова наползают друг на друга, перебивают, наплаиваются. Все переписки Дома поочередно возникают и сливаются в одно сплошное сине-красное пятно.

Появляется один чат: Tumanov—Koroleva. Первый выделен синим, другой — красным. Пустой.

Tumanov достает из тумбочки у кровати планшеты и один передает Ксении. Она нерешительно берет. Хочет спросить, что с ним делать, но он прикладывает палец к губам и призывает к молчанию.

Вместо ответа он печатает на планшете и в синем чате на больших стенных экранах появляется: «Доброе утро!».

Ксения хочет ответить, но он снова прикладывает палец ко рту и кивает на планшет у нее в руках. Она догадывается, что нужно написать.

В красном чате на больших стенных экранах появляется: «Доброе утро!».

«Ты очень красивая», — появляется в синем чате.

Ксения медлит.

Он знаками показывает, что нужно ответить.

«Ты очень умный».

«Твоя улыбка идет изнутри».

«Ты внимательный».

«Ты заботливая».

Параллельно с их чатами на экранах мигают тысячи других чатов с комплиментами.

В синем чате возникает: «Тут заключено столько пространств, что даже удивительно, что они все здесь вмещаются».

Ксения не понимает, к чему это сказано. Она хочет спросить, но не успевает написать, как планшет выключается, и следом тухнут экраны.

— Теперь можем вставать, — говорит Тимапов, забирая у нее из рук планшет, и кладет оба обратно в тумбочку.

Затем кладет в рот и разжевывает какую-то капсулу, обернутую в фольгу.

— А ночной приступ? — спрашивает она и прижимается к нему. — Что это и отчего? Я испугалась.

— Нет, ты вела себя очень мужественно — не каждый бы так смог на твоём месте.

— Но что это было?

— Просто небольшое потряхивание. Это случается редко.

— А от чего капсула — от приступа?

— Да, мне нужно глотать капсулу, чтобы приступы случались реже. Не волнуйся, эти потряхивания никак не скажутся на нашей совместной жизни.

Ксения в недоумении и не знает, что думать. Тимапов поднимается с кровати.

— Что это было с планшетами? — спрашивает Ксения, приподнимаясь на локтях.

Голубые глаза сверкают насмешкой.

— Ежедневный утренний ритуал комплиментов.

— Зачем он?

— Так принято начинать здесь день. Мы напоминаем друг другу лучшие черты каждого. Так принято. Мы здесь видим в людях только хорошее, уникальное и культивируем позитив.

— Но зачем это транслируется на стенных экранах для всех?

— У нас открытое общество. Нам нечего скрывать друг от друга.

— А что значит последняя фраза?

Тимапов загадочно улыбается.

— У нас действует закон про язык. Когда нужно что-то сказать, прямо говорить нельзя. Это запрещено. Нужно обязательно зашифровать, подать метафорой.

— Зачем?

— Так принято.

— Кем?

— Жизнь такая.

— Но ты же главный Архитектор! — не унимается Ксения. — Значит, ты это и придумал.

— Нет. Это ввел наш Губернатор. А я поддержал — интересно же, необычно.

— Не вижу ничего интересного. Как по мне, это только запутывает.
— В тебе просто много сидит обывательщины. Не знаю, как и вытряхнуть это из тебя. Будет сложно.

Ксения обиженно молчит.

— Жизнь — сложная штука. Людей нужно учить думать. Ты умеешь играть в шахматы? Ксения качает головой.

Тимапов морщится.

— Научишься.

— Так что с метафорой?

— Ты должна отгадать, что я хотел тебе сказать.

— А если не расшифрую?

— Не пройдешь экзамен.

— Какой еще экзамен?

— На язык. Чтобы остаться в Доме. Точнее, в Доме-то ты останешься в любом случае, потому что ты моя жена. Но своей здесь не станешь. И между нами тоже не будет взаимопонимания.

— И когда мне нужно ее расшифровать?

— Чем раньше, тем лучше. И в будущем, когда захочешь что-то сказать, ты тоже должна говорить метафорично. И еще медицинское обследование.

— Какое медицинское обследование?

— На уровень счастья.

— И как оно проходит?

— Каждому новому жителю автоматически создается профиль с фотографией в социальной сети Дома. Вся информация о человеке начиная с рождения, публичная, так как мы ничего не скрываем друг о друге. Ежедневно проходит лайк-тайм, когда весь Дом заходит в социальную сеть и раздает друг другу лайки. У кого больше всего лайков — тот самый счастливый и популярный житель Дома. И значит — самый здоровый и позитивный.

— А если лайков мало?

— Значит, человек считается несчастливым, больным, негативным, и с ним не хотят общаться. Твой профиль уже создан и сегодня в обед состоится голосование.

— А если я не наберу нужное количество лайков — меня выгонят?

— Нет. Но ты должна набрать, чтобы у тебя были здесь друзья. Здесь не любят несчастливых негативных людей.

— Как все здесь сложно.

— Ты привыкнешь.

Ксения молчит, пытается справиться с нахлынувшим негодованием.

Тимапов уходит на кухню.

Медленно она встает с постели. Весь пол заставлен стопками книг. Ей кажется, что книг стало еще больше. Ксения нагибается, чтобы прочесть названия. Она замечает, что на всех книгах пометка серии «Жизнь замечательных людей». Книги разложены по алфавиту, по цвету и по размеру, и если раньше ей казалось, что они валяются как попало, то теперь она замечает, что стопки возвышаются ровно, почти с линейной точностью — уголок к уголку.

Тимапов выходит из кухни с подносом. На подносе краб.

Ксения думает, это ей.

— Мне нужно отнести еду, — объявляет он. — Потом пойду на работу. Не скучай.

— Кому отнести еду?

Насмешливая улыбка.

- Другу.
 - Что за друг и почему он нуждается в еде?
 - Слишком много вопросов. Ты ограничиваешь мою свободу.
 - Ничего не вижу ограничивающего в моих вопросах.
 - Ты слишком ревнива.
 - А почему мне нельзя знать, кому ты носишь еду, прежде чем поесть со мной?
 - Людям нужно дарить маленькое счастье.
 - Каким людям?
 - Всем.
 - Кто та женская тень?
- Он отводит глаза.
- Никакой тени нет. Тебе показалось.
 - А кольцо?
 - Просто кольцо. Ты меня не знаешь.
 - Где твоя бывшая жена?
 - Она осталась в прошлом. Оттуда не возвращаются.
 - Та тень — твоя бывшая жена, — констатирует она, чувствуя себя выжатым лимоном. Усталость и боль волной разливаются по телу.
- Лицо его становится злым.
- У тебя паранойя. Ты перегибаешь палку.
 - Кому ты несешь краба?
 - Всем и никому одновременно, — туманно отмахивается он.
 - Ты мне делаешь больно.
 - Что ты, я несу людям радость. Мы будем очень счастливы вместе.
 - Вместо счастья ты меня обижаешь.
 - Ты сама себя обижаешь.

Он молча уходит. Будто так и надо.

Ксения впервые испытывает такую глубину злости и отчаяния, резкие, болезненные уколы ревности. Одиночество душит, расплзается по венам. Зачем она все бросила? Ради чего? Сидит, будто в сыром, сгнившем аквариуме, где все напоказ, все открыто и якобы искренно, но ужасно запутанно и сложно, и, кажется, будто сходишь с ума.

Она медленно встает и направляется в ванную. Единственная затемненная комната в аквариуме. И то одно название — полупрозрачной радужной занавеской. Язык не поворачивается назвать это квартирой, точно аквариум. Ксения набирает ванную. Вода здесь необычная. Не такая, как в гетто, особенно в южном, на ее родине. В гетто вода грязная, зараженная — ржавая, будто вялая листва. Здесь вода очищенная, элитная — изумрудная, переливается. От воды исходит соленый аромат. Вода с солью. Будто личное море.

Ксения осторожно погружается в странную воду. Теперь можно плакать. Никто не видит, позитив не нарушается. Она счастлива, но, видно, просто не понимает этого. Ее должны принять за свою. Чем больше лайков, тем больше счастья, тем больше друзей и престижа. Никогда в жизни у нее не было престижа. Наверно, престиж на вкус как ягоды. Дом — это радость. Так вещали стенные экраны в гетто. Все мечтают сюда попасть. Огромная разница — плакать в изумрудной, похожей на море, а не ржавой воде.

Вода расслабляет, усыпляет. Зря ей сперва показалось, что здесь бешеный темп. Но не успевает она это обдумать, как единственное закрытое от чужих глаз пристанище озаряется знакомым жужжанием. Кто-то пришел. Зачем? Что от нее нужно? Никто

ей не нужен. Интересно, могут ли войти? Подождут. Так бы и лежала здесь весь день. Глаза сами закрываются.

— Милочка, ты до сих пор в ванной? — вдруг раздается у самой занавески писклявый голос.

Ксения вздрагивает. Открывает глаза. Никакого личного пространства. Даже здесь нельзя остаться одной.

Перед собой она видит пожилую женщину — высокую, тощую, нервную, с очень длинным некрасивым носом. Все лицо испещрено мелкими злобными морщинами. Одета, будто из северного гетто, где особенно злая осень, напоминающая зиму, — в искусственную шубку под леопарда, красную шапку с бубоном, и ботинки на высоких каблуках под цвет шапки.

— Вы кто?

— Я Мать, — гордо вещает она.

— Чья?

— Известно чья. Мужа твоего. Ты жизни здешней не знаешь, и я пришла тебя учить и давать советы. Вы очень красивая, хорошая пара. Я желаю вам только счастья. Он советовался насчет тебя, и я одобрила ваш союз.

— Он не говорил, что у него здесь Мать. Он вообще мне ничего не рассказывал о себе.

— Вылезай из ванной, нельзя так долго мыться. Понимаю, что Средиземное море, но все же.

— Почему?

— В Доме свой распорядок. И ванну принимать можно только вечером. И потом, сейчас тебе раздают лайки. Это ответственный момент.

Ксения вылезает из ванной и надевает шелковую ягодную ночнушку — единственную одежду, что у нее здесь есть. Разглядывает странную женщину.

— Ты ничего не знаешь про его жизнь здесь, — говорит посетительница. — Замерзнешь.

— А вам не жарко? — спрашивает Ксения, кивая на шубу. Ее начинают раздражать указания незнакомого человека.

— Чего не сделаешь ради моды. Шубы — моя слабость. Мне нужны еще две.

— Зачем?

— Для престижа. Кто в шубах, тем больше лайкают. Вид более счастливый в них получается.

— У меня, значит, и шансов нет без шубы? — с иронией.

— Сейчас проверим.

Они проходят в гостиную, заваленную книгами. Ксения замечает, что их снова стало больше — они нарастают кругом стопками, будто грибы после дождя.

Стенные экраны активизируются. На них появляется профиль Ксении. Вместо ее настоящего имени указан ник — Kogoleva. Редкие сердечки заполняют экран — начался лайк-тайм. Какую-то минуту сыплются лайки, а дальше — затишье. Больше ни одного сердечка.

— Всего восемьдесят пять лайков, — изрекает женщина в шубе. — Не густо.

— Я не прошла обследование?

— Не прошла. Всего восемьдесят пять человек желали бы с тобой общаться. Для Дома это ничтожная цифра.

— Сколько же в Доме людей?

Она разводит руками:

— Много. Никто точно не подсчитывал.

Ксении это кажется странным, но ее больше занимает то, что она не прошла лайк-тайм.

- Почему мне не хотели лайкать?
- Ты из гетто. Да еще из южного. С такими не хотят общаться. У всех из гетто несчастливый вид. А у южного гетто и родословной нет.
- Да меня ведь даже не видели!
- А на что профиль в социальной сети? Там же вся информация о тебе!
- Что же тогда делать?
- Заводить знакомства, дружить с нужными людьми. Нужно поздравлять важных лиц с именинами, люди это любят.
- Это же лесть.
- Что ты, это внимание к людям. Так устроена жизнь.
- Бред какой-то.
- Участвуй в общественных мероприятиях Дома — их довольно много. И еще тебе нужно выбрать занятие, если хочешь охватить больше народу. Что ты умеешь делать?
- Писать, наверное.
- Тогда иди в журналистский семинар.
- И что там делают?
- Собираются и друг друга обсуждают.
- Зачем они это делают?
- Чтобы потом писать истории.
- Бессмыслица.
- Тебе нужно разузнать, кто из них наиболее полезен Дому и усиленно поздравлять с новыми публикациями в социальной сети. Раз в год все жители должны говорить, что им дал Дом. Это транслируется на стенных экранах. К тому времени ты должна стать своей. Это через неделю.
- А если не стану?
- Тебе не будут доверять. А у нас открытое общество искренних людей. Ты просто не приживешься тут — тебя сочтут негативной.
- Меня выгонят из Дома?
- Из Дома нет никому хода назад.
- Тогда что?
- Лучше не допускать этого. Постарайся понравиться людям, стать здесь своей.
- А метафоры?
- Учись их разгадывать. А я пойду. У меня много дел. Это тебе делать нечего.
- Как вас зовут?
- Просто — Мать крабов.
- Почему крабов?
- Это топовое блюдо в Доме. А я составитель меню. Такое мое занятие здесь. Беру планшет и рисую на нем крабов. Все очень просто. После этого они появляются во всех холодильных камерах Дома. Это тоже изобретение главного архитектора, сыночка моего.
- Он сегодня понес кому-то краба. Кому он понес?
- Мать крабов передергивает плечами.
- Кто ж его знает? Все здесь его подопечные. У него обязательства.
- А женская тень у входа, вы ее видели?
- Мать крабов морщится.
- Иллюзия. Не знаешь ты здешней жизни. Нет здесь никаких теней — все прозрачно и светло. Мысли позитивнее, если хочешь, чтобы тебя приняли. Теневого мышления здесь не любят.
- Я тоже много чего не люблю, — говорит Ксения с нотками раздражения.

— Ты вредная. А в наше общество вписаться нужно. Будь добрее.

Мать крабов уходит.

Ксения остается одна. Сквозь прозрачные стены аквариума видны снующие мимо люди. Это они голосовали? Все ходят уткнувшись в экраны планшетов. Снуют лабиринтами, будто без дела, от скуки. Зачем, куда они все идут?

Ягодный запах становится невыносимым. Раскалывается голова. Кажется, будто все происходящее одно сплошное сумасшедшее реалити-шоу.

Женская тень мелькает за стеклами и, кажется, будто дежурит у двери. Ксении кажется, что тень приобрела более теплый оттенок и напоминает по цвету краба.

Жужжание у двери. Ксения вздрагивает. Вернулся Tumanov. На лице его улыбка, ласковое, подобострастное выражение, которое совершенно не вяжется с недавней раздражительностью и агрессивностью.

— Дорогая, как ты?

— Я не прошла обследование.

Сахарная улыбочка.

— Ты все равно для меня самая лучшая, — карикатурно приторным тоном говорит он. — Я тебя перед всеми защищаю.

— Перед кем же?

— Перед родными. Все говорят, что ты осталась в Доме из корысти. А я всем говорю, что из любви.

— Какая мне корысть? Я здесь несчастна.

Его лицо принимает карикатурно скорбное выражение.

— Отчего же, милая?

После утренних вспышек злобы он сюсюкает, и это раздражает Ксению.

— Ты не сказал, к кому идешь. Здесь сплошные тайны. Я ничего не понимаю здесь, и меня это расстраивает.

— Когда тебе тяжело, то и мне. Это естественно для любящих.

— Ты говоришь по-книжному.

— Да, я теоретик любви, — признается он.

— Я получила мало лайков, — сокрушается Ксения. — Теперь ты меня разлюбишь.

— Ты не думаешь, что восемьдесят пять лайков для Дома много? — с раздражением говорит Tumanov. — Конечно, это мое личное мнение, и оно может быть ошибочным. Однако даже если тридцать лайков — просто физически не хватит мест для всех желающих. Остается надеяться, что ажиотаж вокруг этого события — попасть в Дом — есть только иллюзия и все будет как обычно.

— Не понимаю, ты не хочешь, чтобы я оставалась с тобой в Доме?

— Нет, конечно, что ты! Я хочу всех видеть здесь и находиться в сплошной радостной толпе. Но я не муравей и не сельдь в банке. Желать здесь остаться круто. Но я постараюсь, приложу все усилия, чтобы ты здесь осталась. Не переживай — ты уже здесь своя.

— Я этого не заметила.

Выражение его лица меняется — принимает жесткое выражение. Он вздыхает.

— Ты просто постоянно сомневаешься.

Тон его становится поучительным и назидательным.

— Здесь нет ни в чем уверенности, — говорит Ксения. — Где ты был?

Ее раздражает, что ее поучают.

— А я никуда и не выходил.

— Как это?

— Я был и здесь, и везде одновременно.

- Не понимаю.
- Прошое, настоящее и будущее все одно.
- Какие-то загадки.
- Ты разгадала метафору?
- Нет.
- Ну вот, видишь.

Тимапов морщится, разочарованно вздыхает. Лицо снова становится злым, как утром.

- Но я все равно тебя люблю.
- Какое одолжение.
- Ты слишком гордая.
- А ты вечно умничаешь.
- Меж двух заборов, как меж двух пространств, я проходил, не был ни тем, ни этим, но что-то было... Ты ли постаралась, а может, низко сдвинутое небо.
- Об этом я и говорила. Мне хочется простоты.
- Простота — это круто.

Ксения вспоминает, что сегодня ничего не ела. Сколько времени прошло с момента пробуждения, она тоже не знает — нигде нет часов.

- Как вы здесь узнаете время?

Тимапов глубокомысленно поджимает губы, закатывает голубые глаза.

- Что такое время? Его нет.
- Как это — нет?
- Оно постоянно повторяется.

Все клокочет у нее внутри. Становится душно, несмотря на зиму. В Доме ей теперь постоянно душно. Раздражение разливается по телу.

- Есть — это тоже круто?

Лицо его снова приобретает услужливое, заботливое выражение.

- А ты разве не ела?
- Нет, ты ушел и забыл обо мне.
- Что ты, я был всегда здесь, с тобой.
- Нет, тебя не было.
- Я был с тобой душой, в мыслях.
- Я предпочитаю физическое присутствие.

Лицо его снова становится агрессивным.

- Ты лишаешь меня свободы.
- Какой это?
- Мысленной.
- Наверное, мне просто не следовало здесь оставаться.
- Ты постоянно сомневаешься. Так нельзя. У нас общество безопасности.
- Это самое ненадежное общество, которое я когда-либо знала.
- Любила бы ты свое гетто, то полюбила бы и Дом. Не место красит человека, а человек место.

- С тобой невозможно говорить.
- Ты неправильно интерпретируешь мои слова.
- Естественно.

Лицо его снова принимает подобострастное выражение.

- Принести тебе крабового супа?
- Нет, спасибо.
- Это меню на сегодня для нас. Мамаша утвердила. И тебя тоже одобрила — я всегда и во всем с ней советуюсь.

— Как-нибудь обойдусь. У тебя было много женщин?
 — Такого понятия вообще не существует. Может, много, а может, и нет. Смотря что считать истиной. Все фотографии моих женщин есть в отдельных папках на моем профиле. Для каждой своя персональная папка. Можешь посмотреть.

— Зачем их хранить? — ревниво спрашивает Ксения.
 — Это же моя история. И для тебя теперь появилась папка. Я же люблю тебя. Но сейчас у меня голова болит, пора спать, — речь его резко ускоряется. — До завтра. Спокойной ночи.

— Но ведь мы только встали!
 — Милая, это все разница во времени на тебя действует с непривычки, — снисходительно говорит Тимапов.

Ксения молчит, у нее кружится голова.

— О, совсем забыл — я же книгу новую достал!

— Какую? — оторопело спрашивает Ксения.

Он медленно достает из белого полупрозрачного пакета книгу из знакомой ей серии, которой и так завален весь аквариум.

— Жизнь замечательных людей! — приторно-сладким голосом говорит Тимапов и сует ей книгу под самый нос. — Адриан!

— Кто?

Лицо его меняется — из восторженного становится презрительным.

— Ты не знаешь, кто такой Адриан?

— Нет.

Ксения успевает прочитать аннотацию: «Героем новой книги стал римский император Адриан (76—138) — блестящий интеллектуал, незаурядный полководец, успешный правитель Римской империи, преемник „лучшего принцепса“ Траяна — таким вошел в историю император Адриан. Он резко изменил внешнюю политику предшественника: прекратил завоевательные войны и перешел к обороне рубежей империи от варваров, основывал города, возводил храмы и общественные здания, покровительствовал ученым, философам, писателям, уделял особое внимание развитию экономики империи. Но при всей своей просвещенности и веротерпимости порой не был чужд жестокости и несправедливых гонений. Биография этого незаурядного человека дана автором, доктором исторических наук, профессором, на широком фоне политической, культурной и социально-экономической жизни Римской империи на рубеже I и II веков».

Тимапов театрально хватается за голову.

— Боже, с кем я общаюсь!

Не успевает она ответить, как он отходит от нее и медленно, размеренно осматривает стопки книг, любовно поглаживает каждую. Хочет найти место для новой, догадывается Ксения.

Наконец Тимапов находит место. На первый взгляд небрежное и неподходящее, но книга вписывается, будто там и была всегда. Он удовлетворенно хмыкает.

Из книги выходит тень — в старинных римских одеждах. Она осматривается и останавливает взгляд на Ксении.

Слышится голос — то ли вживую, то ли мысленно, переданный телепатически:

Трепетная душа, нежная странница,
 Гость и друг в человеческом теле,
 Где ты сейчас скитаешься,
 Ослабленная, продрогшая, беззащитная,
 Неспособная играть, как прежде?

- Что это? — со страхом спрашивает Ксения.
- Это его эпитафия, которую он сам себе написал, — отвечает Туманов.
- Как я могу ее слышать и видеть его?
- Я же говорил, что время не существует. На самом деле все здесь, в одном месте.
- Об этом и метафора?
- Да. В одном месте заключено множество пространств всех времен.

Ксения не выдерживает и выбегает из аквариума. Бежит стеклянными лабиринтами, сквозь прозрачные аквариумы. Встречающиеся люди расплываются в белозубых сахарных улыбках. Но глаза подозрительные, скачущие, высматривающие душу. Кажется, будто глаза у всех косят. На лицах маски счастья — приторного, неживого.

Интуитивно Ксения находит аквариум Гадалки. Та будто тоже чувствует ее приход, тут же, без лишних слов, впускает. Проводит на кухню. Ксения расслабляется — здесь все напоминает гетто и старый бабушкин дом, в который ее возили в раннем детстве.

- Ну что, убедилась? — усмехается она. — Так и знала, что останешься.
- Здесь невыносимо.
- Привыкнешь. Но крабов этих все время жрать невозможно, согласна.
- Для того вам и огород? Чтобы не жрать крабов?
- Ну, конечно. Я-то привыкла к нормальной еде.
- Что же мне делать? Я огород держать не буду. Но и от крабов меня тошнит.
- Сейчас дам тебе таблеточку от голода. Будешь глотать с утра, и на весь день чувство голода уходит.

Гадалка встает и принимается один за другим открывать кухонные шкафчики. Все они заставлены фарфоровой посудой разных форм и размеров — от всевозможных ваз до бокалов и стаканов.

- Зачем вам столько посуды? — спрашивает Ксения.
- Я люблю посуду и коллекционирую фарфор.
- Все тут что-то коллекционируют.

Гадалка презрительно машет рукой.

— В основном лайки. Меня тут старомодной считают. А на кой черт мне те лайки? Фарфор хоть потрогать можно. Но за тебя проголосовала. Хотя ты все равно не густо набрала.

- Меня никто здесь не знает.
- Ну, сделай, чтоб узнали. Притворись своей.
- Не умею я притворяться.
- Здесь придется, иначе сожрут.
- Здесь же позитивные люди, — иронизирует Ксения.
- Ну, посмотришь.

Она наконец выуживает откуда-то таблетку — полупрозрачную коричневую капсулу, похожую на затвердевший рыбий жир.

- Вот, глотни.

Ксения проглатывает. Приятное насыщение тут же охватывает желудок.

- Где их брать?

— Говори Администратору этажа — он выдает. Это для тех, кому не подходят здешние деликатесы из крабов.

- Кто вообще их придумал?
- Здешняя самовлюбленная принцесска. Так и осталось. Дань моде и понтам.
- Кем она была?
- Да так, в общем-то, и никто. Таперь-то от нее только тень.
- Почему тень?

— Корона сожрала. Новая болячка такая появилась. Сначала люди становятся высокомерными, затем пропадают, а потом превращаются в тень. Да уже так и живут, бродят.

— А бывшие жены куда деваются?

— Вот они-то как раз и тени, пораженные короной.

— Сумасшедший дом.

Гадалка ухмыляется.

— Ну вот, а ты меня помешанной называла. Говорила же, я тут еще самая адекватная. Если это слово вообще применимо к Дому. А теперь уходи, скоро свет вырубят.

— Так рано?

— Это разница во времени. Ты никак не привыкнешь.

— Мне кажется, что я недавно встала.

— Это пройдет.

— Как же вы узнаете время? Нигде нет часов.

— Это привычка — встроенный режим. Научись. Завтра Дом празднует Юбилей. В главном экранном зале. Приходи сразу после утреннего ритуала комплиментов. Там со всеми и познакомишься. Ну, теперь иди уже.

Ксения уходит, чувствуя усталость — от бесконечных вопросов, от недосказанности, от эмоционального напряжения и выгорания.

Несколько минут Ксения плутает прозрачными лабиринтами — она не может найти нужный аквариум. Все кажутся ей однотипными, все люди с одинаковым выражением тупого умиротворения на лицах бредут, спешат отыскать свое жилище до того, как все вокруг погрузится во мрак.

Наконец она находит нужный. Медленно пробирается сквозь стопки книг, которых становится все больше с каждой минутой. Тупанов протирает с них пыль. Он едва поворачивает голову в ее сторону. Ксении хочется внимания — ей кажется, что книги больше дороги ему, чем она. Берет его за руку.

— У меня болит голова, — говорит он, выдергивая руку. — Сегодня был трудный день. Пойдем спать.

В ту же секунду гаснет свет.

3. Юбилей

Узкий лифт — стены облеплены пауками. Мерзкими, огромными, с волосатыми лапами. Ползут в каком-то дружном строе — слаженном, будто заранее отрепетированном, понятном только им одним.

Ксения просыпается в холодном поту — вся липкая от ужаса. Тупанов рядом подрагивает от уже знакомых странных конвульсий. На лице протрация, но Ксению это уже не пугает. Она знает, что это пройдет. И действительно — через минуту он затихает, губы расплываются в улыбке. Затем проглатывает знакомую капсулу из фольги. Все как вчера.

Уже знакомые планшеты. Обмен комплиментами на публику.

— Сегодня известный шоумен Олег Час празднует творческий юбилей, — говорит Тупанов, пряча планшеты в тумбочку.

— Чем же он так важен?

— Он главный ведущий в Доме.

— Что же он ведет?

— Разные мероприятия.

— Чем же знаменит?

— Ну, у него много достижений. Как-то раз, например, мы устроили в лифте дискотеку.

— Сколько же ему лет?

— В Доме не принято называть возраст. И он не любит, когда об этом упоминают. Тимапов встает и уходит на кухню. Ксения уже знает, что будет дальше.

Он выходит с крабом и уходит кормить тень.

— Встретимся в экранном зале, — бросает через плечо, даже не глядя на нее. — Доберешься сама. Ты должна учиться быть самостоятельной.

Ксения направляется на поиски Администратора. Администратор удивительным образом оказывается тут же, за углом.

— Мне бы таблеток от голода, — говорит Ксения.

Он достает из кармана коробочку, будто специально держал ее там для Ксении, и передает ей в руки — медленно, будто хочет задержать прикосновение подольше.

— А когда закончатся, опять к вам?

Администратор ухмыляется.

— Да. Но просто так больше не дам.

— Но здесь ведь нет денежной системы, — удивляется Ксения. — Все бесплатно.

— За поход в театр.

— Мне кажется, что здесь и так один сплошной театр.

— Нет, здесь есть и другой.

Дом она принимает таблетку. Чувство голода уходит.

Возвращается Тимапов. За его спиной женская тень крабового цвета. Ксении кажется, что она снова слышит еврейскую музыку. Но только она убеждается, что это не галлюцинация, как тень растворяется. И все же не исчезает полностью. Ксения знает, что она никуда не делась, а насытившись, притаилась, замаскировалась под ничто.

— Как, ты все еще здесь? Скорее в экранный зал! — командует Тимапов. — А то пропустим поздравления! Мы все одна большая дружная семья. Мы все равны и нужны нашему обществу и Дому.

Они выходят из аквариума и бредут стеклянными прозрачными коридорами. Останавливаются у красного лифта-трубы. Тимапов прикладывает к трубе ладонь, и тут же загорается зеленая кнопка.

Они заходят внутрь. Кажется, будто лифт едет целую вечность, хотя движется быстро, разве что не со скоростью света. Но страх заставляет считать каждую секунду. Ксения догадывается, что экранный зал находится на последнем этаже.

Дверь отодвигается, они выходят. Огромный зал с высокими потолками наполнен жильцами. Вместо потолка сплошные витражи, в которых отражается низко нависшее небо. Сквозь темные тучи проскальзывает луч солнца — заливают паркетный, точно в старинных балльных залах, пол. Стены состоят из экранов. На всех изображен юбилер — седенький мужчина в фиолетовом каком-то клоунском костюмчике.

Под фото надпись:

Его имя известно нескольким поколениям южного гетто — именно он стоял у истоков самых масштабных художественных, литературных проектов и мероприятий, провел сотни самых ярких торжеств. Конкурсы красоты, творческие встречи, презентации и концерты — с участием Олега Часа каждый ивент становится особенным. Накануне Юбилея мы пообщались с друзьями и родными Олега.

Олег Час родился в южном гетто, но впоследствии на всю жизнь соединил свою судьбу с Домом, получив грин-карту. Он всегда был активным и творческим юношей, но сначала выбрал для себя профессию, далекую от творчества, — учился в строительном институте. После учебы начал работать на электротехническом заводе номер 20. Это было в середине восьмидесятых годов прошлого века. Несмотря на сложную и ответственную работу, Олег и здесь нашел место для вдохновения и создал

дискотек «Ритм». С тех пор творчество вошло в его жизнь навсегда. Тогда же, одновременно с созданием грин-карты, в Дом хлынула волна музыки, которая до этого была недоступна, изменился вид, антураж и ритм танцполов.

Тогда же, в середине восьмидесятых, в гетто начали организовывать первые конкурсы красоты, традиция которых перешла и в Дом. Наш Дом не стал исключением — у истоков здешних конкурсов стоял именно Олег Час. Каждый конкурс вызывал огромный резонанс в Доме.

Далее экраны моргают, и вместо текста появляется онлайн-трансляция с каким-то странным мужиком бандитской наружности, но в строгом черном костюме:

— Олега я знаю давно, с восьмидесятых годов, еще по южному гетто. Я тогда был ведущим дискотек «Радуга» в строительном институте, а Олег — дискотек «Ритм» в кафе «Молодежное». Наши дискотеки были лучшими во всем южном гетто и конкурировали между собой. Мы пытались идти в ногу со временем — каждый из нас старался, чтобы его программа была интересной. Но потом, уже в Доме, мы объединили наши усилия и работали над проектом «Дискотека восьмидесятых» сообща. С Олегом мы хорошие друзья. Мне нравится его креатив и чувство коллективизма. Весь коллектив нынешней «Дискотеки восьмидесятых» — это люди, с которыми он работал еще в восьмидесятые. В первую очередь Олег всегда думает о коллективе, очень пунктуальный, хороший организатор. В Юбилей хочу пожелать Олегу крепкого здоровья и бодрости — как у «крейзи дедушек» — фронтменов рок-группы «Rolling Stones».

Наружность мужика вызывает отторжение: круглый, будто колобок, лысый, со злым лицом и огромными собачьими золотыми цепями — одна на шее, другая на запястье. На указательном пальце огромная золотая печатка с каким-то ярко-красным камнем, похожим на рубин. Взгляд колючий, цепкий, подозрительный. На лице будто приклеенная неестественная сахарная улыбочка.

— Это наш губернатор, — с какой-то иронией говорит Туманов на ухо Ксении. — Рамаз Бондович.

— Почему же он поздравляет онлайн? И где сам именинник?

— Он всегда находится онлайн. Такая у него должность — требуется только появляться онлайн на мероприятиях и красиво говорить. А именинник с семьей отдыхает на каких-то островах.

— Для кого тогда это мероприятие?

— Это дань уважения.

— Это пиар-кампания, — презрительно настаивает Ксения.

— Почему бы не пропиарить того, с кем мы дружим.

Далее в онлайн-трансляции появляется какая-то зашуганная женщина, скрытая паранджой, которую представляют госпожой Аллой Час, женой Олега.

— Олег всегда с восторгом и энтузиазмом организовывал мероприятия. Весь Дом ждал эти конкурсы, это тогда была настоящая экзотика. Очень тщательно выбирали конкурсанток и разрабатывали программу. С тех пор в послужном списке Олега были КВНы, детские фестивали, творческие вечера поэтов и артистов. Я знаю, как тщательно Олег работает над каждым выходом на сцену, как переживает, чтобы все прошло на высшем уровне. Именно он ввел в Доме традицию вечеринки-маскарада и онлайн-голосование за самого полезного жильца Дома. Надеюсь, что впереди у него еще множество интересных проектов, которые будут радовать жителей нашего дорогого Дома.

Ксения оборачивается, хочет поделиться впечатлениями от происходящего с мужем, но его нет рядом. Она ищет его глазами, разглядывая странную толпу с неестественными, будто приклеенными улыбками. Тимапов перебегают от одной компании к другой, со всеми мило улыбается и шутит. Особенно с девушками. К ним он особенно внимателен, излишне заглядывает в глазки, шире улыбается. Ксения чувствует укол ревности.

Кто-то дергает ее за локоть. Леопардовая шубка, красная шапка и ботинки. Мать крабов. Откуда ни возьмись тут же появляется и Тимапов.

— Ты ввел ее к журналистам? — спрашивает Мать крабов.

— Нет еще, не успел. Здравовался со своими.

— Тогда я сама.

Она хватается Ксению за руку и ведет сквозь толпу. Ксения оборачивается и видит, как муж снова отходит к очередной группке девушек.

Мать крабов подводит ее к странной толпе слишком разных на вид людей. Они оглядывают ее подозрительным взглядом, но на лицах у всех играют одинаковые слащавые улыбки. Не успевает Ксения опомниться, как Мать крабов тоже исчезает, оставив ее одну с ними.

— А, Koroleva, — иронично, но с улыбочкой произносит высокий худой дед в очках, бородой почти до пояса, похожий на давно отмененного Деда Мороза. На шее зеленый шарф, бросающийся в глаза несочетаемостью с белой старомодной блузкой с рукавами в манжетах, как носили поэты древности.

— Я-то Ксения. А вы кто?

Дед прищуривается.

— В социальной сети вы Koroleva.

— Я — это не социальная сеть.

— Мы все социальные сети. А я просто Парасочка. Скажите, вы верите в коммунизм? Давайте поговорим о коммунизме.

— Ты разве тут главный? — встречает старуха с круглым рябым лицом и красными волосами, вся какая-то дряблая и безразмерная.

Глаза ее метают молнии, но благожелательная улыбка не сходит с лица.

— А тебя тоже вроде не назначали, — спокойно отвечает Парасочка с еще более сахарной улыбочкой, но колючими бесцветными, будто затянутыми мутной тиной, глазами.

Затем поворачивается к Ксении.

— А это... — он замолкает и беспомощно озирается по сторонам в поиске подсказки. Старуха хохочет.

— Опять забыл мое имя. Вечно имена всех забывает. Будь свидетелем. А то он потом оправдываться начнет, мол, не забывал ничего, врешь ты все. А он просто о другом вечно думает. Да и старческий склероз уже. Ильина я.

— Ничего я не забыл, — грозит он пальцем Ильиной. — И не старик я вовсе, нечего меня списывать. Всего-то мне тридцать.

— Было когда-то, — передразнивает Ильина. — Все тридцать тебе каждый год.

— Да, тридцать. Времени ведь не существует.

— Ну, так вот и женись на Агатке. Будет твоей новой женой.

Ильина тычет рябым пальцем в сутулую худую девицу с короткой стрижкой и лицом с грубыми мужскими чертами и очень большим носом. Сквозь искусственную вымученную улыбку проскальзывает вечно кислое выражение лица.

— Агатка не по этим делам — феминистка она. А так что, может, и женился бы, если б полюбил. Я-то сложно влюбляюсь.

Парасочка игриво подмигивает Ксении, но тут же переводит скользкий зовущий взгляд на других девушек. Ильина разрывается хохотом. Агатка кривится, но обязательную улыбку из всех сил держит.

Ксения переводит взгляд на занятого мужчину в пончо и цилиндре, как у древнего гробовщика. Тот расплывается улыбкой, будто рекламирует зубную пасту. Похожий на колобка — такой же круглый и рыжий.

— А я Тимур-Шляпник, потому что коллекционирую шляпы со всего мира. Но это не коллекция, скорее собрание по типу музейной коллекции. Хотите посмотреть? Шляпы висят в моем аквариуме на стене.

— В другой раз, — говорит Ксения и выдавливает из себя обязательную улыбку.

— А я бы посмотрела собрание! — вставляет Ильина, вцепившись в него влюбленным взглядом. — Когда можно прийти?

Но Тимур-Шляпник даже не смотрит на нее, и ничего не отвечает. Ильина надувает щеки и наблюдает колючим взглядом за Ксенией.

— А почему вы в цилиндре гробовщика? — спрашивает Ксения.

— А это траур по еще одному ушедшему году почтенного Олега Часа, — хохочет Тимур-Шляпник. — Теперь он еще на год ближе к смерти. А вообще я все свои шляпы из собрания ношу. Считаю, что нет смысла собирать то, в чем не ходишь. А вообще я мечтаю открыть музей шляп. Вот, например, этот цилиндр мне привезли из...

— О, ну сейчас его понесет, не переслушать, — раздраженно перебивает Агатка.

— Тексты его так себе, — встревает Парасочка, кивая слишком большой головой для такой тонкой шеи, точно болванчиком. — Концовки не хватает. Я бы написал по-другому.

— Времени не было, — цедит сквозь улыбку Тимур-Шляпник. — Я эту повесть год писал.

— А мне нравится, нравится, — встревает узкоглазый парень в очках. — Я вам всем браслетики подарю из бисера. Люблю плести из бисера.

— Тема, у всех уже есть твои браслеты, — строго, но с улыбочкой одергивает его Ильина.

Тема грустнеет, поджимает губки.

— Я новые сплел.

— Ну, принесешь на семинар, — смягчается Ильина.

— А ты из восточного гетто? — спрашивает вдруг Тема, уставившись на Ксению.

— Из южного.

— В восточном гетто такая коррупция, бюрократия, о боги! По сравнению с Домом — небо и земля. Я так рад, что попал в Дом! В восточном гетто война — я чуть не умер! Вокруг рвались бомбы, так и норовили упасть прямо на меня! Спасибо...

Парасочка хохочет.

— Сегодня не тот день, когда нужно говорить, что дал тебе Дом, — нетерпеливо перебивает Ильина. — Потерпи еще недельку.

— А Славочка будет на семинаре? — расплывается в блаженной улыбке Тимур-Шляпник. — Его проза такая... такая... Люблю его!

— А Сергей Викторович Снобиков? — подхватывает Тема. — Мне так хочется услышать его мнение! В прошлый раз он мне сказал, что на досуге почитывает фантастику. А я же как раз фантастику и пишу!

— Друзья мои! — иронично изрекает Ильина. — Я тоже на досуге пишу гениальные стихи. И что? В первую очередь мы журналисты! И что для нас главное?

— Наш сайт! — отвечают все хором, кроме Ксении. — Обеспечивать Дом важными новостями!

— Вот именно, — заключает Ильина. — И что самое главное для нашего сайта?

Снова хор голосов:

— Главное — это лайки, репосты и комментарии! Важно, чтобы на сайт заходили хотя бы на две секунды! Читать необязательно!

— Вот, вот, — продолжает Ильина. — У Сергея Викторовича свои дела — он придет, когда захочет. А Славе не до семинаров — он в прошлом году выиграл Премию «Самого полезного жильца Дома» в номинации «Писатель».

— Да он накрутил себе голоса, ясно же, — кривясь, бубнит Агатка.

— Агатка, осторожнее в обвинениях, — подобострастно глядя на Тимура-Шляпника, говорит Ильина. — У нас сообщество позитивных творцов.

Агатка хмыкает с ироничной улыбкой, но закусывает губу и замолкает.

— Он пишет на заказные темы, — с умным видом встревает Парасочка.

Ильина стреляет в него взглядом, но продолжает улыбаться.

— Он просто достиг нужного уровня.

Все молчат и улыбаются, но Ксения понимает, что не все согласны.

— А тебя ждем завтра на семинаре, — говорит Ильина.

— Смотрите, а там вон не Сергей Викторович? — оживляется Тема, и глазки его загораются.

— А с ним рядом не Славочка? — подхватывает Тимур-Шляпник, тыча указательным пальцем сквозь толпу.

Ильина не отводит от Тимура-Шляпника влюбленного взгляда и ревниво морщится. Но через секунду на лице вновь играет вынужденная улыбочка.

Не успевает она что-то сказать, как Тема и Тимур-Шляпник устремляются сквозь толпу к своим кумирам. Ильина торопливо бежит следом. Агатка с кислой миной и без энтузиазма плетется следом.

Тут как тут появляется Мать крабов.

— Ходи на семинары, не пропускай, — поучает Мать крабов. — Глядишь, и тебя номинируют на самого полезного жителя Дома. Это нужно для престижа.

Ксения молчит.

— Меня вон в прошлом году выбрали, — хвастливо продолжает Мать крабов. — Победила в номинации «Повар года». Между прочим, голосование велось онлайн, и нас выбирали жители всего Дома. Теперь я могу подать свою кандидатуру в Союз поваров Дома. Для этого трое действующих членов должны одобрить мою кандидатуру. Но за меня заступятся, знаю. И ничья я не любовница, нет.

— Да я и не думала...

— Зарегистрировалась на сайте знакомств Дома, — тут же перескакивает на другое она. — Никого путного. Один слишком толстый — щеки у него жирные, ужас. Другой слишком тощий. У третьего усы. Четвертый оказался больным инвалидом и хотел из меня сиделку сделать. Но я была у Гадалки, и она сказала, что у меня будет богатый муж.

Ксения молчит, не зная, что отвечать.

Мать крабов морщится, но сохраняет улыбку.

— Слушай, ты такая красивая! Самая красивая на нашей Черно-Зеленой улице. Наш этаж называется Черно-Зеленой улицей.

— Почему?

— Потому что на нем находится кнопка, — пошатываясь, шепчет Мать крабов.

Ксении кажется, что она пьяная, хотя та ничего при ней не пила.

— Какая еще кнопка?

— О, это секрет..., — Мать крабов машет рукой. — Хотя ты же все равно жена главного Архитектора. В общем, кнопка самоуничтожения Дома. Нажимаешь — и все здесь взрывается к чертям.

— Зачем нужна такая кнопка? — удивляется Ксения.

— Уничтожить все, если что-то пойдет не так.

Мать крабов неожиданно отходит к соседней толпе. Так она переходит от одной группки к другой — все с той же улыбочкой и теми же словами.

Ксении кажется, что толпа густеет — все вокруг тараторят, и это сливается в один сплошной гул. Люди вокруг собираются в группки и с улыбками перемещаются от одной к другой. Кажется, они совсем забыли, зачем именно собрались, или собрались именно затем, чтобы собраться.

Ксения остается одна. Ищет глазами мужа. Тупанов все так же перебегает от одной группки девушек к другой. Ей хочется уйти, но никто не уходит, и она боится показаться невежливой. Но еще больше боится насмешек, того, что все они станут перешептываться и тыкать в нее пальцами. Ей стыдно за то, что она так себя не уважает. За то, что терпит странное обращение. За то, что бросила старый мир и ничего не обрела взамен.

Острая тоска по родному дому пронизывает ее. Южное гетто. Когда была там — мечтала уехать. Оказалась в новом месте, достигла точки назначения — и хочется назад. Вся ее жизнь и вообще человеческая жизнь, как у лососей — одно сплошное долгое путешествие туда и обратно. Круговорот желаний. Живешь себе в родном ручье, но мечтаешь о большом море и в один момент отправляешься в путешествие. Достигаешь конечной точки, а запах родного ручья манит назад. Берешь передышку — копишь силы и в один роковой день плывешь назад к месту рождения, чтобы там погибнуть. Во время путешествия накапливаешь паразитов — попутчиков, которые то ли помогают, то ли мешают выжить, никогда не разберешь. Любовь продлевает молодость или загоняет раньше времени в могилу — никогда нельзя быть точно уверенным. И так в эволюции около ста миллионов лет. И только дорогу домой душа находит в любую погоду и в любых условиях. И все это в одиночку. Только на определенном отрезке пути обретаешь вторую половину, чтобы познать главное. Сами выкапываем себе яму. Продолжение жизни. Но вот совершить путешествие в море и вернуться в родные места удастся только одной из двух сотен новых организмов. И все время в наших повадках, как и у лосося, обнаруживаешь и глубоко укорененный патриотизм, и врожденное самоотречение ради будущего, и невероятную целеустремленность — все то, что мы так ценим.

Современные генно-модифицированные лососи, как современные генно-модифицированные люди, растут в два раза быстрее. Чужие хромосомы. Повышенная активность. Успеть все и сразу. Быть лучшим. Совершить путешествие, полный круговорот и умереть. И все быстрее и быстрее. Чем быстрее, тем лучше, тем современнее. Товарный размер. Товарная быстрота. Модификация сознания. Модифицированный мир.

Тупанов возвращается и знаками показывает, что можно уходить. Ксения молча следует за ним. Ей хочется сказать, что она возвращается домой, уходит, но слова застревают в горле, и она понимает, что пути назад нет и она первая не выдержит разлуки.

Они молча заходят в лифт-трубу. Ксения закрывает глаза и пытается представить, что она дома. Тесная комната с экраном: в гетто запрещено иметь квартиру больше тридцати трех квадратных метров. Перенаселение. Хотя люди мрут ежедневно. Тысячами. От неизвестной болезни без всяких симптомов. Чем больше мрут, тем больше не хватает места. Она пытается в подробностях припомнить тамошнюю жизнь и не может — будто переступив порог Дома, рождаешься заново, переселяешься в новое тело без всяких воспоминаний о прошлой жизни. Кем она была, что делала? Все стерлось из памяти, точно и не было иной жизни до Дома. Все тонет в вязком тумане.

Лабиринты стеклянных прозрачных аквариумов. Время неуклонно сворачивается, сжимается. Они приближаются к своему аквариуму — у порога, как обычно, караулит тень под еле слышную старинную еврейскую народную музыку. Крабовый оттенок стерся, потускнел. Скоро выключат свет — придется ждать утра, чтобы насытиться.

В квартире книг становится все больше. Тупанов любовно их перекладывает и стирает с них пыль.

Ксения устала, ей хочется спать. Энергия в Доме теряется быстро — она чувствует себя разбитой и выжатой. Но на кровати, которая еще утром была свободна, стопками навалены книги, и негде лечь. Ксения пытается их перенести, но они не поддаются, словно вросли в кровать с корнями и не хотят покидать плодородную почву.

Она пытается отодрать их, но все тщетно.

— Что ты делаешь? — сурово спрашивает Тупанов.

— Хочу освободить себе место — мне негде лечь.

— Это место для книг.

— А где место для меня?

— Есть гостевой диван.

Тупанов показывает на узкий диван у самой стены, застеленный шторой.

— Разве тебе важнее книги? — обиженно говорит она.

— Книги я люблю больше всего.

— Они неживые.

— Они живее всех живых. Ты же видела Адриана.

Ксении надоедает спорить, и она молча уходит на диван. Тупанов ложится в обнимку с книгами.

4. Семинары журналистов

Ксения открывает глаза, и в руках сразу оказывается планшет. Он будто сам попал в руки. Но она точно помнит, что не засыпала с ним.

На стенных экранах мелькает переписка Дома и очередная порция комплиментов. От принуждения и видимости Ксению тошнит. Одинаковые фразы — люди делают вид, что знают и любят друг друга. Весь Дом следит за их словами. За их отношениями, которые есть только в переписке, на экране. В паутине, не в реальности. А в реальности стена из непонимания, недосказанности и книг.

Ксения замечает, что на экране появляется отдельная переписка, которую ведет Тупанов. Второй диалог окрашен крабовым цветом. Она всматривается в текст и различает отдельные слова. Кто-то ему пишет, что скучает.

— Кто это? — не выдерживает она. — Бывшая жена? Где она?

— Никто не знает.

— Это она тебе пишет?

— Это всего лишь переписка. Не придирайся к мелочам.

— И зачем она пишет?

— Как же? У нее именины.

— И что?

— На самом деле я слаб и мягок. А она была хорошим человеком. Всегда говорила, какой я замечательный и гениальный. И желает нам счастья. Как и мамаша. Они вообще очень похожи. Конечно, любила выпить и погулять с другими мужчинами, но это так, с каждым бывает.

— Была? А где теперь?

— Где все бывшие.

— Становятся теньями?

Он молчит и отворачивается. Ксения злится. Из-за раздражения и гордости больше не спрашивает.

— Глаза закрываются здесь и открываются в другом месте, — говорит Туманов.

— Что это — очередная метафора? — устало вздыхает Ксения.

— Разгадай, — говорит он с улыбочкой.

Его почти не видно из-за книг — они лежат на нем, будто одеяло.

— Я устала гадать и разгадывать.

— В этом вся жизнь.

— Это не жизнь.

— Прекращай. Что с твоим настроением? Ягодное распыление вроде работает без перебоев. Тебе пора на семинар журналистов.

— Ладно, приму ванну, съем таблетку и пойду.

— Мне не нравится, что ты ешь искусственную еду.

— Крабов мне не предлагают, да и не по вкусу они мне, — иронично отвечает она.

— Поторопись — ты должна отсидеть на семинаре определенное количество часов.

У нас нет денежной системы, но все жители должны чем-то заниматься весь день. Нужно набрать количество часов, иначе ты не сможешь быть номинирована на Премию «Самый полезный жилец Дома».

— Как же я должна набрать нужное количество часов, если здесь нет времени? Как я буду знать, что достаточно пробыла на семинаре?

— Чтобы оставалось время добраться домой до комендантского часа и отключения света.

— А как же личное время?

— А что тебе с ним делать, милая? Вся наша жизнь открыта и на виду. Зачем нам личное время? Неспешность и расслабленность гетто ушли в прошлое. Планета ускорила — она давно вращается быстрее, и Дом живет по новым законам вместе с ней. А гетто совсем перестали приносить пользу планете. Потому их скоро не станет.

— Почему? Что случится?

— Что-то да произойдет.

— У меня там остались родные.

— Ты теперь в Доме, и родные твои — это я и остальные. Ты сделала выбор. Знала же правила.

— Ты же главный архитектор. Придумай новые.

— У нас свободное общество коллективизма. Я не придумываю правила — они возникают сами. Люди, что попадают сюда по грин-карте, отличаются от обывателей гетто, иначе бы они и не оказались здесь.

Туманов освобождается из-под книг и идет на кухню за очередным крабом. За стеклянной стеной аквариума Ксения различает поджидающую тень.

Ксения медленно встает и, съев таблетку от голода, отправляется в ванную. Единственная возможность спрятаться от жителей этого странного Дома.

Пора на семинар. Отсидеть часы. Быть полезным. И зачем нужна эта премия?

Она выходит из аквариума. На пороге потемневшая от краба женская тень. Ксению бьет током, и она спотыкается. Едва различимый злобный смех. Ксения оборачивается, но тень медленно растворяется. Но она успевает заметить еле заметную бескровную улыбочку и блеклые, бесцветные ироничные глаза. Но это лишь на миг — через секунду все превращается в бесформенное расплывчатое пятно.

Администратор тут как тут, будто поселился у ее аквариума. Глаза все так же бегают, словно не могут сфокусироваться. Улыбка точно кривая прямая.

— Таблеточки еще есть, — подмигивает он. — А то можем зайти в мой аквариум и взять еще.

— Спасибо, есть, — отвечает Ксения. — Мне бы на семинар журналистов попасть.

— А они сегодня недалеко заседают — на нашей Черно-Зеленой улице. Вот тут, за поворотиком. Пошли, провожу.

Они идут стеклянными лабиринтами из полупрозрачных аквариумов. Останавливаются. Перед ними круглый прозрачный аквариум. Посредине — продолговатый стол. За столом сидят знакомые ей люди. На стенных экранах мелькают какие-то сводки новостей, сменяющие друг друга со скоростью света.

— Ну, хорошо поработать, — говорит Администратор, стреляя глазками, и уходит.

Ксения заходит внутрь. Прозрачная мебель будто навеки застыла льдом из полиэтилена. Все взгляды на нее с неизменными улыбочками.

Кроме Парасочки, Тимура-Шляпника и Темы, которых она видела на Юбилее, в конце стола примостились еще двое парней со смазанными лицами — как она ни приглядывается, никак не может распознать их черты.

— Вот садись сюда, тут свободно, — командует Ильина, расплываясь в обязательной улыбке, и тычет пальцем на свободный стул. — А вы все прекратите болтовню.

Ксения садится.

— Итак, хоть мы и числимся семинаром журналистов, но семинар проходит лишь в конце, когда новостная лента заполнена до отказа, — разъясняет она Ксении. — Наши писульки — это не общественно полезная деятельность. Полезны мы Дому в другом — создаем для него новости. Существует единая интернет-сеть, но сайтов в Доме развелось много. Они сами плодятся — это цифровой вирус. Копируют друг у друга новости и заполняют собой всю сеть. И только наш сайт истинный — его наполняют новостями живые люди. Но вся трудность в том, что сайты-роботы мешают нам набирать высокий трафик и быть на первом месте в турнирной таблице рейтингов. Когда же мы не на первом месте, то наши новости не видят жители. Поэтому ту же новость, пусть и один в один, но нужно обязательно скопировать первыми. Иначе наш сайт просто перестанут читать. А трафик — это самое важное: ради этого мы и работаем. Этим мы и приносим пользу Дому.

— В чем же конкретно состоит работа? — не понимает Ксения.

— Ну как же? — злится, но продолжает улыбаться Ильина. — Работа как раз и состоит в следующем: мы копируем новости у официальных сайтов учреждений Дома — сайта Премии, губернаторского сайта, личных страниц знаменитых жильцов, вот как недавний Юбиляр — Олег Час, у самых счастливых позитивных жителей, у которых много лайков, и выставляем первыми. Еще есть коммерческий материал, который мы ставим по просьбе дружелюбных жильцов, с которыми дружим и которых нужно пропиарить. Берем его из их социальных сетей. И, конечно, еще заказной материал о нашем Губернаторе — как он занимается благотворительностью и помогает гетто, борется за экологию, чтобы времена года снова сменяли друг друга на нашей планете, и так далее и тому подобное.

— Но сайты-роботы ведь тоже это будут копировать?

— Но мы должны изворачиваться и опережать их. А еще делать репосты новостей в группы социальных сетей. Чем больше репостов, тем лучше, тем больше людей видят новость. Не забывай ставить галочку «репост».

— Получается, одна и та же информация, но тысячами копий?

— Ну да, — пожимает плечами Ильина.

— Зачем же так засорять информационное пространство?

— Мы не засоряем, — надменно говорит Ильина с ироничной улыбочкой. — Мы просто информируем жильцов и ставим новости. Общественно полезная работа. В Премии есть особая номинация «Журналист года». Мы все хотим в ней победить. Но для этого нужно набрать нужный рейтинг и держать марку серьезного сайта.

— И отработать положенное число часов?
 — Да. Но тебе все равно номинация пока не светит — слишком низкий уровень счастья. Тебя совсем не лайкают. Ты знакомишься с полезными людьми, поздравляешь их с днем рождения, с новыми публикациями?

— Нет, — равнодушно пожимает плечами Ксения.
 — Как ты можешь? — округляет и без того совиные глаза Ильина.
 — Не умею я угождать полезным людям.
 — Плохо, очень плохо. Ничего из тебя не выйдет. Лайков у тебя на странице не прибавляется.

— Разве вся задача в том, чтобы польстить нужным людям?
 — Не польстить, а быть любезной, внимательной, дружелюбной, словом — позитивной. И если хочешь вписаться в коллектив, будь добра набрать лайки и понравиться жильцам.

Остальные одобрительно гудят и машинально тыкают пальцем на виртуальную зеленую кнопку перед каждым из них на прозрачном столе.

— Новости копируют, — поясняет Ильина, заметив пристальный взгляд Ксении на кнопки. — Отлично, работаем. Нажимай, как и другие, кнопку.

Koroleva нажимает, и на сайте мелькают новости. Как же мы их копируем и ставим, даже не читая? Все на автомате, все рассчитано только на скорость. Живые роботы. Тык, тык, тык пальцами. От монотонности движения сознание притупляется. Кажется, что вся энергия уходит в палец. Сначала он двигается осознанно, мозг наблюдает, следит за каждым движением. Потом перестаешь замечать, и кажется, будто палец существует отдельно от тела, будто он чужеродный объект.

На ее лице появляется пот — она чувствует, как он капельками стекает по лбу, щекам, подбородку. Перед глазами все плывет. Буквы расплываются, а кнопка, на которую нажимает онемевший палец, светится все ярче, становится больше и режет глаза.

Наконец Ильина объявляет отбой — нужные часы набраны. Пальцы останавливаются над кнопками, экран замирает и гаснет. Koroleva понимает, что до комендантского часа осталось не так много.

— А теперь начинаем наш семинар журналистов, — торжественно объявляет Ильина и как бы специально разъясняет ей: — Семинары мы устраиваем после основной нашей деятельности раз в неделю. За это время каждый из нас должен что-то написать и выставить на обсуждение.

Все тут же выходят из оцепенения и оживают.

— А если я не занимаюсь творчеством? — спрашивает Ксения.
 — Ну, так займись, — пожимает плечами Ильина. — Кто тебе мешает?
 — Я не знаю, что писать.
 — Что видишь, то и пиши. Можешь написать о своем гетто, вспомнить детство, даже проследить родословную — это популярно. А мы будем обсуждать и критиковать. Можно писать прямо тут, на месте — все будет выводиться на экран. А мы при тебе сразу и обсудим.

— Но о чем писать? — в недоумении пожимает плечами Koroleva.

— О чем хочешь — например, про свое вчерашнее утро.

Koroleva кивает, но описывать утро ей не хочется.

— Как обычно, показываем по очереди, — командует Ильина. — Начну с прозы и закончу стихами.

Все хлопают.

— Как вы знаете, я плету крючком салфетки, — объявляет Ильина. — Вот и написала рассказ о салфетке. Точнее, от лица салфетки. Как вы помните, на прошлом семинаре я озвучивала свою идею. И Агатка сказала, что я на верном пути, и посоветовала

мне сделать салфетку главным персонажем. Придумать ей историю — откуда она взялась. Она сказала: представь свою салфетку героиней и опиши происшествия, которые случились с ней. Или историю возникновения. Возможно, воспоминания. Салфетка — главная героиня. Где она жила, что с ней было, как ее сплели и ее ощущения при этом. Вот я и придумала.

Все снова хлопают и хвалят.

На экране появляется рассказ Ильиной:

— Добрый день. Мне, пожалуйста, дайте тот розовый моток ниток.

— Держите. Он меня не один раз на размышления настраивал. Все думала: кем он станет? Из него должна выйти замечательная вещь.

Петелька за петелькой ритмично ложится орнамент в кружево. А с ним и мысли вплетаются в размышления.

Представляю перед собой маленькое кафе в западном гетто. Аккуратные столики, вазоны с цветами, картины на стенах, пахнет свежей выпечкой. Уютно, можно даже сказать, по-домашнему.

— Ну же, девушки, сервируем столы, — слышу голос женщины. Ей на вид лет семьдесят. Красивые седые волосы, собранные в узел, белый фартук и белоснежная улыбка.

— Добро пожаловать, — обращается она ко мне, — проходите. Выбирайте столик, сейчас к вам подойдут.

Мой взгляд притягивают красочные салфетки на столах. Нежные, словно лепестки весенних цветов. Сажусь за один из столиков и внимательно рассматриваю каждую линию, каждую деталь этого произведения. Какая красота.

— Они изготовлены с большой любовью, — слышу голос рядом с собой. Поднимаю голову и вижу женщину. Она тоже немолодая. Но очень приветливая и милая. — Также у нас лучшая выпечка и вкусный кофе. Ну, разве у бабушки может быть иначе, — продолжила она, искренне улыбнулась и бережно провела рукой по салфетке. Наше заведение похоже на салфетку. Все дело в сочетании. Наши бабушки здесь везде: и за кухонным столом, и в зале, и за прилавком. Мы объединяем поколения, как петельки этой салфетки, создаем орнамент жизни.

Спицы продолжали тикать и вплетать розовую нить. За несколько часов на столе уже лежала готовая салфетка, а в мыслях осталась интересная история.

Замечательно, что есть люди, которые из обычного клубка ниток умеют создать салфетку, а есть и те, которые из обычных слов создают историю, как замечательная Ильина.

Все снова хлопают.

— Ну как, что скажете? — гордо вскидывает подбородок Ильина.

— Ну, я бы переписал, — говорит Парасочка и поправляет очки. От постоянного кивания они у него вечно спадают. — Недостоверно прописан персонаж. Окончания как такового нет. Много нравоучений, а читатель не дурак — не нужно так разжевывать. Мало идеи. Вот вы верите в коммунизм? Давайте об этом поговорим. И вообще салфетка — неживой предмет. Я, конечно, атеист. Но не слишком ли это? И что за буржуйские описания? Какой-то сплошной капитализм. Забыла разве нашу историю? Не бывает хорошего произведения без знания истории, своих корней. В общем, я бы по-другому все написал.

— А я бы посоветовала больше узнать о салфетках, прежде чем делать их персонажами, — кривляясь, словно от нервного тика, вставляет Агатка. — Нет достоверности — все банально и картонно. Словом, ужасно.

— Вот читал твои предыдущие рассказы и не скажу, что они улучшились, — поджав тонкие губы, добавляет Тема. — Слишком негативно — нужно больше позитива и света.

— В тексте слишком много орфографических ошибок и лишних запятых, — встречается бледная и сухая, очень высокая женщина в красном кожаном плаще, притаившаяся в углу, которую Kogoleva только сейчас замечает. — Я тут записала в конспекте...

Женщина начинает очень быстро и долго читать с планшета. Ильина демонстративно закатывает глаза. Все остальные смеются.

— Достаточно, — недовольно, но учтиво обрывает Ильина.

— Минуточку, еще немного осталось, — торопливо проговаривает она и продолжает тараторить текст с планшета, глотая слова так, что их нельзя разобрать. Наконец она заканчивает чтение и откладывает в сторону планшет.

— Слушайте теперь стих, — объявляет Ильина.

Все снова хлопают. Но уже более натянуто.

Ильина читает нараспев с экрана:

Ты развалил наш общий дом!
И в нем устроил ты погром!
Тебе устроила облом!
Не бей меня ты топором!

Парасочка снова хихикает и записывает что-то в планшет.

— Я бы по-другому написал, — бормочет себе под нос.

Агатка кривится. Тема строит умный вид, пытаясь показаться милым. Парни со смазанными лицами молчат и, кажется, совсем не слушают, о чем идет речь на семинаре. Они то и дело подмигивают в разные стороны. Kogoleva замечает, что они постоянно делают ей какие-то знаки.

— Слишком много «ом», не находишь? — еле сдерживая смех, замечает Тимур-Шляпник. — И что-то одни восклицательные знаки.

Ильина ядовито усмехается.

— А давай теперь тебя послушаем. Ты-то у нас гениальный.

Тимур-Шляпник расправляет грудь. Все хлопают.

На экране выводится небольшой текст:

Маразм напал на бабушку. Он был легок и смотрелся по-детски ее глазами, которые светились детством. От Маразма исходил неприятный старческий запах, который был перемешан с запахом лекарств. Но бабушка уже была в плену Маразма. Она никуда уже не может убежать, ведь Маразм крепчает.

Ильина в недоумении таращит глаза.

— И это все? Где же концовка?

— Не дописал, — безразлично отвечает Тимур-Шляпник.

— За неделю?

— Было мало времени. Целый день жмешь пальцем кнопку, возвращаешься в аквариум, и сразу отбой. Некогда писать. Вот все, что успел.

— Ну, я бы по-другому написал, — вставляет с улыбочкой Парасочка.

— Бабушка раскрыта плохо, — говорит Агатка. — Я бы посоветовала больше общаться с бабушками.

— На мое скромное мнение, все очень живо прописано, — мямлит Тема.

— Естественно, — улыбается Тимур-Шляпник. — Давай свое показывай.

Тема мнется.

— А Сергей Викторович придет? — с надеждой, но нерешительно спрашивает он.

— Вот еще, у него свои дела, — говорит Ильина. — Поважнее. Возможно, он и будет, но позже.

Тема кривится.

— Так вот, в восточном гетто, откуда я родом, такая плохая жизнь, что ужас, — медленно растягивая слова, говорит Тема, желая чем-то занять время до прихода Сергея Викторовича. — Одна коррупция. Никаких семинаров журналистов не проводилось, критики ни от кого не дождешься толковой. Одни графоманы. Настоящей литературы в восточном гетто нет и никогда не было. Творческую молодежь бросили на произвол судьбы. Экономiku совсем развалили, все дорожает. Преступность процветает. Одна нескончаемая война. Я так благодарен, что попал в Дом...

— Ты еще в северном гетто не был, — иронично перебивает Агатка. — Вот куда бы тебе перебраться-то. Там у нас было отлично.

Тема застывает с глупой улыбочкой, явно не понимая иронии.

Только сейчас Koroleva замечает, что когда она кривится, то у нее дергается глаз. Или именно потому, что у нее нервно дергается глаз, она и кривится.

— Так мы увидим твой текст или нет? — нетерпеливо спрашивает Ильина. — Времени мало.

— А как же Сергей Викторович? — лепечет Тема. — Я бы хотел, чтобы он...

— Да он, скорее всего, совсем не придет, — отрезает Агатка.

Тема растерянно оглядывает всех присутствующих — по лицу видно, что ему не терпится показать свой текст и услышать комментарии. И вместе с тем ему неловко хочется, чтобы на обсуждении присутствовал и Сергей Викторович. Два этих желания борются в нем, и он не может решить, что ему делать.

Дело решает Ильина:

— Так показываешь или нет? Иначе мы все расходимся.

Его нерешительность тут же будто рукой снимает. Под всеобщие аплодисменты Тема с радостной улыбочкой выводит на экран длинный текст:

Пришла пора дарить сердца, а в моих мыслях только сказка эта. Хочу я видеть произведение художника. Любоваться им, занимать его. Нежно воспринимать движение сердца. Таять, кипеть, знать, умолять. А все же знать единственное важно — о том, что любовь не слово, а чудо! И праздновать любовь нужно в кафе. И там, мне кажется, больше места для любви. А вообще, хотелось бы чего-нибудь вроде помещения с некими столиками, которые находились бы в полумраке. А вдали стояла бы сцена с микрофоном и неплохим освещением. И там можно сознаваться в любви стихами.

А рядом бы находился барабанщик-аккомпаниатор. Можно добавить еще рояль или пианино. А все же было бы интересно — ты выходишь на сцену под аплодисменты посетителей, тихонько играет музыка, возможно, саксофон. Подходишь к микрофону, представляешься и несколько слов говоришь о том, что ты хочешь продекламировать о любви. И неважно, проза это или стихи — главное со вкусом, с изяществом, с манерностью эстрадной жестикуляции, от чистого сердца. А после каждого выступления — барабан. Только тихонько, не слишком громко. И все в восторге. И необязательно это проводить постоянно. Возможно, раз в три месяца, но со вкусом. Но это просто мечта — не обращайтесь внимания! Или учитывайте! На ваше усмотрение!

— И о чем вообще этот текст? — чешет голову Ильина. — Ничего не поняла.

— О любви, — хихикает Парасочка. — Но как в детском садике — я бы по-другому написал.

— Слишком длинно, — режет по живому Тимур-Шляпник. — Это невозможно читать. Для чего это написано? Неясно.

— Банально, — коротко поясняет Агатка. — Картонные герои.

Лицо Темы мрачнеет — он чуть не плачет. Но тут в аквариум заходит надутый высокомерный пожилой мужчина в сопровождении троих человек — двух парней и девушки с неестественными ярко-оранжевыми волосами, отдающими голубишной. У всех такой же надутый, неприступный, комично серьезный вид. Они осматривают помещение, будто ищут здесь трон.

— Сергей Викторович! — подобострастно выдыхает Тема.

— Мы всего на секундочку, — говорит Сергей Викторович, но все же присаживается. Свита его садится возле него.

— А мы тут, к сожалению, уже обсудились, — с печальным видом докладывает Тема.

— Ничего, ничего, — с улыбочкой говорит Сергей Викторович. — Сейчас будем обсуждать тексты Славочки, Алиночки и Петруши. Как вы знаете — они лауреаты Премии и печатаются в нашем журнале.

Все недовольно молчат, но на лицах играют натянутые улыбочки.

На экране появляются три размытых текста, где невозможно разобрать ни буквы. Сколько Koroleva ни силится их прочитать — ей это не удается.

— Ну, как вам, что вы думаете? — манерно спрашивает Сергей Викторович.

— Бесподобные тексты! — приторно восхищается Ильина. — Настоящий талант! Алиночка, с днем рождения! Поздравляю с новыми публикациями! Ты такая красивая! Самая красивая и талантливая!

— Да, хорошо написано, — поддакивает Агатка, и глаз ее снова дергается, отчего кажется, что она кривится.

Парасочка постоянно усиленно кивает и тянет глуповатую улыбочку.

— Могут, конечно, и лучше. Я бы вот переписал и по-другому написал.

— Это лучшее, что я видел в своей жизни! — хватается за сердце Тема. — Сергей Викторович, а вы посмотрите мой текст?

Но Сергей Викторович делает вид, что не расслышал, медленно встает и идет к выходу. Его свита за ним.

— Стойте, Сергей Викторович! — кричит Тема и бежит за ним. — Я же сплел из бисера фенички и хочу вам подарить!

Парасочка хохочет.

— А кто этот Сергей Викторович? — спрашивает Koroleva.

— Что ты? — смеется Парасочка. — Это же главный редактор литературного журнала в Доме. Все мечтают попасть в его журнал, потому что после публикации в нем все получают Премию в номинации «Журналист года». Но он берет только избранных.

— И как стать избранным?

— Ну, Алиночка, например, в прошлом году написала в своей социальной сети хвалебный текст о его журнале и персоне, — вмешивается Ильина.

— А Славочка не один год караулил его у аквариума, — восхищенно, но с завистью перебивает Тимур-Шляпник. — Всегда усиленно кивал. И вот в прошлый раз даже Премию получил. Его последняя повесть бесподобная!

— А что же Петруша?

— Ах да, — рассеянно вспоминает Ильина. — А Петруша родом из одного с ним гетто — северного. А Сергей Викторович любит ностальгировать по прошлому. Вот и стал опекать.

— Что ж, ясно, — говорит Koroleva.

— Ясно ей, — перекиривляет Ильина. — Ты задание выполнила — написала про свое утро?

— Нет, — мотает головой Koroleva.

— Почему это?

- Не пишется. Да и времени слишком мало.
 - Учись писать быстро и коротко. Тогда это задание тебе на следующую неделю. Покажешь, что получилось. И запомни, что писать нужно по одной определенной формуле.
 - Хорошо, — машинально отвечает Koroleva. — А по какой же формуле?
 - По какой-то. Формула-то одна. Есть еще вопросы?
- Koroleva отрицательно мотает головой, понимая, что спрашивать дальше бесполезно: формулу ей открывать не собираются.
- Что ж, тогда семинар закончен, — объявляет Ильина.

Тимапов любовно протирает пыль с книг. Koroleva замечает, что стопки теперь достают до потолка. До них уже просто так не добраться, и он пользуется лестницей. Книжки разложены по цвету и форме. Отдельно в твердом переплете — в одной ровненькой стопочке, в мягком — в другой. Аквариум наполняют полупрозрачные силуэты — давно умершие биографии, запечатленные в серии книг «Жизнь замечательных людей».

Тимапов оборачивается и исподлобья смотрит на нее. У него неряшливый вид: спутанные, давно немытые длинные волосы, борода отросла до пупка, разорванный, грязный спортивный костюм. И только голубые глаза лихорадочно блестят. Koroleva понимает, что он в своем ворчливом настроении.

- Это ты переложила Адриана? — придирается он. — Он исчез.
- Нет, я не трогала.
- Его нет на месте. И он сам пропал.
- Не трогала я твои книги. Целый день была на семинаре.
- Куда же он делся?
- Понятия не имею.
- Он лежал на кровати.
- Я не видела.

Неожиданно Тимапов задевает рукой стопку книг — все они рушатся, как лицемерная улыбка льстеца, когда не перед кем больше играть. Лестница шатается, и он чуть не падает. Но в последний момент удерживает равновесие.

— Ну вот, все завалилось, — кричит он, с укором смотря на нее. — Это ты виновата, что они упали! А я их весь день ровненько складывал!

Он медленно спускается вниз и начинает собирать книги, пытаясь выстроить так же, как было до этого. Старательно так, даже педантично.

Koroleva достает планшет и пытается сделать задание — написать про свое вчерашнее утро.

Но Тимапов тут же бросает книги и отвлекает ее:

- Зачем тебе вечером планшет?

Koroleva объясняет. Она видит, что ему это не нравится.

- А ты разгадала метафору? — прищурившись, спрашивает Тимапов.

Koroleva напрягает память. Но после машинального нажатия кнопки весь день она никак не может собраться с мыслями.

- Глаза закрываются здесь и открываются в другом месте, — напоминает Тимапов.
- Интернет-сеть Дома?
- Именно. Я ее и создал.
- А сайт?
- И сайт. Наши глаза повсюду — мы следим за социальными сетями самых интересных, полезных и счастливых людей Дома. Они делают наш мир лучше.
- Я слишком устала, чтобы спорить.
- Ты просто ленивая и не хочешь напрягаться ради всеобщего блага, — придирается Тимапов. — А я лишь хочу, чтобы ты лучше меня узнала.

Koroleva вздыхает и идет на свой гостевой диван. Ей хочется заснуть и отключиться от этого мира, побыть в забытии. Но гостевой диван тоже завален книгами. Она в недоумении останавливается.

— Где же мне спать?

Tumanov усмехается и философски закатывает глаза.

— А нужно ли вообще спать? — рассуждает он. — На сон тратишь большую часть жизни. За это время можно прочитать уйму книг.

— Твои книги выжили меня из спальни.

— Почему? Можешь спать прямо среди них или даже лечь на них.

В знак протеста Koroleva идет спать в ванную.

— Это запрещено правилами! — кричит ей вслед Tumanov.

— Это единственное место, где я могу побыть наедине.

Она укладывается в ванну и мгновенно засыпает.

5. Аматорский театр

Всю ночь ей снится, что она выставляет новости для Дома. На главном престижном сайте, где ей великодушно позволили работать. Усиленно жмет кнопку, чтобы противные сайты-роботы в обличье пауков не скопировали их первыми. Если она не успевает, то рябое лицо Ильиной злобно нависает над ней и грозит, что выгонит из Дома. Она слышит противный, каркающий голос Ильиной: «Держись за Дом, держись!»

Koroleva просыпается в холодном поту. Она принимает ванну. Но вдруг замечает, что комната больше не затемнена. Теперь ее голую могут видеть проходящие мимо люди. Она сжимается в комок. Кажется, что все прохожие заглядывают внутрь их аквариума. Пристально рассматривают стопки книг и ее обнаженное тело в ванной. Всем интересно сравнить свою жизнь с чьей-то еще. Как же теперь быть? Последнее место с подобием личного пространства потеряно.

Koroleva выходит из ванной, надев шелковую ягодную ночнушку. Теперь ванная — это открытое место посреди аквариума. Она чувствует, будто ее совсем лишили одежды.

— Где ты была? — раздраженно спрашивает Tumanov. — Из-за тебя мы пропустили утренний ритуал комплиментов! Теперь нам впают штраф.

— Какой еще штраф?

— В доказательство нашей любви. Теперь нам не будут верить и придется делать совместные фото. И выкладывать их на сайт, чтобы доказать нашу жизнь душа в душу.

Tumanov достает планшет и делает совместное фото. Затем загружает на свою страницу в социальной сети.

— Все, штраф оплачен. Все снова знают, что мы муж и жена и что все хорошо.

В аквариум врывается Мать крабов.

— Как, ты еще не на пьесе? — высокомерно спрашивает она. — Извини, но ты не состоялась как журналист. В твоём-то возрасте.

Koroleva медленно встает.

— Куда делась занавеска из ванной? — спрашивает она, игнорируя Мать крабов.

— Я ее убрал из цифрового кода аквариума. Я хочу все о тебе знать. К тому же мы с Губернатором приняли новый закон о личной жизни. Теперь все, включая интимную жизнь в ванной комнате, выставлено на всеобщее обозрение.

— Почему я должна ходить в туалет и мыться при всех? — возмущается Koroleva. — И когда вы успели принять такой закон?

— Закон мы приняли ночью, в телепатическом сне. А как еще принимаются законы? Koroleva съедает таблетку от голода.

— Вот хоть бы раз борщ приготовила, что ли, — с укором говорит Туманов и тоже съедает таблетку.

— У тебя есть крабы.

— Мне не нравится их вкус.

— Но нравятся тени.

— Я обязан кормить тень. Если не стану, она съест тебя. А я этого не хочу.

— Как тень может съесть? — смеется Koroleva. — Ты сказочник.

— Может, и еще как. Когда тень голодная, то питается чужими слабостями и раздражением.

— Как это?

— А станет намеренно выискивать слабости и раздражать.

— Какая коварная тень.

— Поэтому ее и нужно каждый день кормить. Такова цена расставания. У нас же нет разводов, поэтому я должен бережно относиться к своей истории.

— Разве ты не мог сказать этого раньше?

— Чтобы твое самомнение взлетело до небес? Сама знаешь свой грех. К тому же не хочу я ничего разжевывать. Сама должна ко всему прийти.

— Почему она стала тенью?

— Тебе пора играть в пьесе, — переводит тему Туманов.

— У меня чувство, будто я уже давно в ней играю.

Но Туманов не слушает — уходит кормить тень.

Koroleva пишет сообщение Гадалке. У той личный веб-сайт, где можно задавать вопросы. На экране отображается чат.

— Где обитают тени?

— В кафе бывших жен, — приходит ответ.

— И почему туда попадают?

— Ну, не сварила борщ, огрызнулась лишний раз, не удовлетворила в постели. Причин уйма. Задавала много вопросов, придиралась, указывала, навязчиво советовала, выпрашивала что-то, вредничала, пилила. Когда она оказывается за порогом, то идти больше некуда и ей только и остается, что спускаться на нулевой этаж, в кафе бывших жен. Так и становятся тенями.

— Как же они теряют людской облик?

— А спустись туда и посмотри. Жуткое зрелище. Застывают они, каменеют без внимания.

Koroleva решает спуститься на нулевой этаж. Она выходит из аквариума. Женская тень насыщенного крабового цвета дежурит у порога. От нее бьет током и воняет алкоголем. «Скоро и ты туда же, — еле слышно злобно хихикает она. — Уже скоро. Поздравляю!»

Koroleva находит Администратора. Он, как обычно, кружит неподалеку.

— В театр? — радостно спрашивает он. — Вы там в пьесе сегодня должны играть. Я бы посмотрел.

— Да. Но сначала мне нужно на нулевой этаж.

— Разве ты успеешь? Да и нет там ничего интересного, кроме кафе бывших жен. Печальное место.

— А я быстро. Посмотрю, и все. Мне интересно.

— Тогда я посмотрю потом, как ты играешь в пьесе?

— Ладно.

— Договорились, — блаженно улыбается он.

Лифт-труба останавливается, дверь открывается, и они выходят. Идут полутемным пустым коридором, в конце которого виден приглушенный свет. Попадают в подваль-

ное помещение, похожее на какой-то склад. Под потолком переплетаются какие-то трубы, между ними свисают лампочки с каким-то бледно-желтым светом.

Они подходят ближе. Koroleva различает в помещении много столиков, как в кафе. У каждого из них по два стула — друг напротив друга. Присмотревшись, она видит, что у каждого столика сидит женский силуэт.

Koroleva подходит все ближе и в ужасе замирает от невольного страха и отвращения. За каждым столиком сидит каменная статуя женщины. Все в одной и той же позе — опираясь локтем о столик и мечтательно глядя вдаль, на вход, будто ожидая, что в любую минуту оттуда кто-нибудь войдет и сядет на стул напротив. Кладбище окаменелостей.

Теперь она понимает, что ждет, если книги выживут ее. Станет такой же окаменелостью.

— Если мужья спустятся сюда и сядут напротив, то они снова станут людьми, — тихо говорит Администратор.

Koroleva молчит.

— Но еще никто не спустился, — продолжает он. — Они приходят сюда, когда их что-то выживает из аквариума, садятся за стол и ждут, когда за ними придут. Но никто не приходит. Тогда они каменеют. А после этого тенью возвращаются к своему аквариуму.

— Почему они это делают?

— А гонор не позволяет смириться с тем, что они больше не нужны.

— Хватит, все понятно, — отрезает Koroleva. — Можно возвращаться.

Они идут назад темным коридором, молча заходят в лифт-трубу.

— Театр находится на самом верху, под крышей, — объявляет Администратор. — Но количество этажей все время меняется, поэтому и его расположение тоже. На то и умный лифт-труба, чтобы сам знал, куда везти.

Они останавливаются на широкой, точно уличной, площади, возле огромной зеркальной сцены. Зеркальное здесь все: стены, пол, потолок. Пустой зрительный зал. Возле сцены толпятся уже знакомые семинаристы. Все, кроме двух парней с размытыми лицами — тех уже нет. Зато появился какой-то новый старик — на вид лет сто, не меньше, весь скрюченный, в мелких морщинах и с очень маленькими глазками, закутанный в какой-то пестрый ковер со странным орнаментом. Он семенит к ней и протягивает планшет. На экране какой-то стих.

— Вот посмотрите, это я вам написал, — лепечет он.

Она читает:

KOROLEVA ЮЖНАЯ

Плавно
Шаровую молнией
Прошедши несколько границ,
Красивейшая
Из южных девиц
Явилась остыть
На хладный берег Дома
И научиться
На семинаре журнализма толку.
Не уготована тебе судьба тени,
В кафе ты бывшей не окаменеешь.
Глаголом кто-то денно ночью жжет сердца,
А Koroleva же — красой без конца.
Виршемаратели не мыслят боле ни о чем

При посещении мероприятий:
Ведь Koroleva той же шаровой молнией прожигает им сердца,
Им, поэтам разных рангов,
Сгорающим осенней рдяною листвою... без ее объятий.

Она не успевает отдать планшет, как он показывает второй стих:

ЮЖНАЯ СКАЗКА

Для счастья рожденные,
Живущие в обычных муравейниках гетто
Девушки-Королевы
Не видят принцев на белом коне,
Ни изобилия, ни серебра, ни злата.

— Но мы же даже не знакомы? — удивляется она и отдает планшет. — Это метафоры? Старик загадочно улыбается.

— Это вы меня не замечали, а я вас заметил.

— Где же?

— На Юбилее. И между прочим, я один из тех, кто вас лайкал в социальной сети. Жаль, конечно, что вы набрали так мало лайков и пока не стали своей, не обрели счастья. Может, вы несчастливы в своем аквариуме с мужем?

— Извините, но я не помню вас. А за стих спасибо. И за лайки.

— А вы придете на вручение Премии? Это уже завтра.

— Не знаю, наверно.

Ильина нервно машет ей рукой и кривится в ехидной ухмылке. Koroleva подходит к группке. Старик молча остается в стороне и потом куда-то исчезает.

— Ты опоздала, — с укором, но улыбаясь, констатирует она. — Уже известна вчерашняя статистика по сайту. В топ вышли только мои статьи.

— Поздравляю, — равнодушно говорит Koroleva.

— А твои статьи собрали мало просмотров, — сурово говорит Ильина и злорадно улыбается. Тебя не читают. Жильцам Дома неинтересны эти темы.

— А какие интересные?

— Прояви креатив, пробуй что-то новое.

— Как же тогда выставить правильные темы?

— Давайте уже начинать ставить пьесу, — уходит от ответа Ильина. — А то не успеем сыграть до отбоя. В моей пьесе только две женские роли — для меня и Агатки.

— Да и костюмов на всех нет, — кивает Агатка. — И не подходит она для роли.

— Значит, я не играю в пьесе? — уточняет Koroleva.

— Понимаешь, ты не подходишь нашей труппе по энергетике и уровню счастья, — сахарным голоском и с милейшей улыбкой говорит Ильина. — В тебе действительно много негатива, и ты вносишь разлад в коллектив нашего дружного аматорского театра.

Парасочка хохочет и что-то записывает в блокнот.

— Кстати, мужских ролей у нас тоже только две, — наигранным голоском говорит Ильина. — Так что, Парасочка, извини.

— Ничего, ничего, я уже и так где только не играл, — снисходительно машет рукой он. — Даже каннибала играл.

— У нас позитивная пьеса о пользе социальных сетей, — морщится Ильина. — Я и Тимур-Шляпник играем молодоженов. Агатка и Тема — тещу и тестя.

— Лучше бы наоборот, — иронизирует Koroleva.

— Это в тебе негатив говорит, — обиженно бросает Ильина. — Вот потому ты и не подходишь нашему аматорскому театру.

Koroleva равнодушно пожимает плечами, и актеры уходят готовиться.

Она и Парасочка садятся в полупустом зрительном зале. Медленно, но верно его заполняют какие-то люди. Совсем скоро зал набит битком. Koroleva никого из них не знает.

- А ты знаешь, что скоро во всем мире будет коммунизм? — вдруг выдает Парасочка.
- Вряд ли. Он уже когда-то был.
- И все будет бесплатно, как у нас.
- Разве чтобы жить в Доме, вне стипендиальной лотереи не нужно купить здесь аквариум и занятие?
- Нужно. Но это потому, что еще не началась революция.
- Какая еще революция?
- За новую власть. Губернатор никуда не годится, и они с твоим муженьком спелись. А новых кандидатов нет. Вот завтра и посмотришь, как Премии будут раздавать. Кстати, онлайн-голосование идет как раз на нашем сайте.
- Кто же устроит революцию?
- Так мы, жильцы и должны. Но народ еще не готов к революции. Гетто из них не выветрилось.

Тем временем на сцене вместо живых актеров появляется зеркальный экран. Зрители отображаются в нем. Кажется, будто это и есть то, на что они пришли смотреть. На самих себя. Тысячи копий. Спектакль превращается в фильм. Грань размывается. А чего она хотела? Экран и есть жизнь — все они ежедневно живут на экране.

На экране появляется комната-муравейник. Как в гетто. Семья из четырех человек. Молодожены и родители жены. Странно наблюдать, как морщинистая рябая старуха Ильина с круглым без возраста Тимуром-Шляпником играют молодоженов, а тщедушные и сухие Агатка и Тема — старшее поколение.

Первое действие полностью состоит из конфликта тещи и зятя. Теща хочет, чтобы зять взял ипотеку и они съехали из тещиной квартиры. Зять упирается. Теща негодует. И каждый из них постоянно с кем-то переписывается в социальной сети.

Второе действие происходит в кафе. Теща с цветочком на руке ждет кого-то. Входит зять и с удивленным лицом направляется к ней. Оказывается, это она переписывалась с ним под фальшивым ником и фотографией и выдавала себя за молодуху. Далее она шантажирует зятя тем, что расскажет дочери, как он переписывался с другой. Наконец зять в самом финале обещает взять ипотеку и съехать и просит, чтобы его не выдавали.

В третьем действии показана якобы счастливая семья с постоянной улыбочкой на губах, которая идеально ладит. Зять лебезит перед тещей, и все вроде бы дружелюбны, но страшно лицемерят и фальшиво улыбаются, будто видят друг в друге отвратительных паразитов, но усиленно и натянуто представляют, что это бабочки.

В конце пьесы зять с радостной улыбкой объявляет, что им дали ипотеку и они переезжают. Звучит целая ода полезности банковской системы в монологе зятя. На этом пьеса заканчивается, и экран выключается — снова становится зеркальным.

Koroleva в недоумении.

- Это что — реклама банка?
- Молодец, просекла, — кивает Парасочка. — Завуалированная реклама губернаторского банка в заказной пьесе. Люди так лучше воспринимают информацию — прямую рекламу они не любят.
- Зачем это нужно Ильиной?
- А что, Ильина не человек? — смеется Парасочка. — Она спит и видит выиграть Премию в номинации «Писатель». Для того и журналистикой занимается. А тут приходится все заказное писать, рекламное. Вот и попала в круговорот — хочет одно,

а делает другое. Но говорят, что так просто писательством Премии полезного жильца не получить.

— А как же номинация «Журналист года»?

— О, ну тут всегда накручиваются голоса. И всегда выигрывает какой-нибудь сайт-робот.

— Разве так можно?

— Считается, что самый полезный журналист — это тот, кто быстрее всех выставит новость на свой интернет-сайт. А это всегда в итоге неизменно оказывается робот. Но Ильине-то и не этого нужно — она хочет самым полезным писателем стать.

— Зачем же она тогда стала журналистом?

— Ясно же — чтобы приблизиться к писательству. А оно не считается в Доме полезным занятием, так, хобби и все. Серьезно воспринимают немногих. Премию получают признанные мастера.

Koroleva хочет еще расспросить, но Парасочки уже и след простыл. Экран растворяется — на сцене кланяются актеры. Все приветствуют их аплодисментами. Ильина сияет — пьеса имеет успех. Агатка, как обычно, улыбается, точно кривится, и видно, как подергивается глаз. Тема с самодовольным видом смотрит по сторонам и, наверно, выглядывает Сергея Викторовича, но того нигде нет, и в глазах его читается разочарование.

Koroleva незаметно выходит. Ей не хочется ни с кем говорить, не хочется видеть людей. Ей надоело быть постоянно на виду и слушать наставления Ильиной. Она чувствует свинцовую усталость. Еще никогда она так не ждала ночи.

На выходе ее догоняет Администратор.

— Чего убежала? — подмигивает он. — Давай провожу.

Koroleva все бы отдала за одиночество, но кивает. Никуда не денешься от правил Дома. Одной ходить здесь не положено. Даже к своему нику она начинает привыкать, а жизнь в гетто постепенно стирается из памяти, как и не было ее. Koroleva чувствует, как жизнь Дома давит на нее, что в конце концов раздавит когда-нибудь. И даже очень скоро. Она это чувствует физически, ощущает каждой клеточкой тела.

Заходит в аквариум. Какое счастье остаться наедине. Но и тут личного пространства не предусмотрено. Tumanov встречает ее с мрачным и раздраженным видом на кровати, среди стопок книг, которые норовят упасть ему на голову. Ноги поджаты под себя. Голова его перевязана мокрой повязкой из грязного бинта.

— Почему тебя не было на пьесе? — спрашивает она. — Кажется, там были все. Мы совершенно не проводим вместе время.

— Меня выворачивало наизнанку, — отмахивается он. — И голова сильно болит.

— Это из-за твоих странных приступов? — прищуривается она, пытаясь проникнуть в душу, угадать, жлет ли он.

— Нет, не из-за них, — машет головой Tumanov. — Разве не может просто так болеть голова?

— Конечно, может. Зачем кричать?

— Я так всегда разговариваю с людьми. А с тобой я и так чересчур нежен и ласков.

Тем не менее, несмотря на плохое самочувствие, она видит в его руках планшет. На стенном экране отображается переписка. Кто-то ему снова пишет, что скучает, и шлет какие-то виртуальные подарки.

— Кто это? — указывает на экран Koroleva.

Молчание, которое кажется ей вечным.

— Ты разгадала метафору? — вместо ответа интересуется Tumanov.

Она вздыхает и отвечает машинально, не думая:

— Крах и драма наших отношений?
— Неправильно! — весь трясется он. — Ты совсем не потрудились над разгадкой.
— Прости, но я устала разгадывать твои загадки. С кем ты общаешься? — не уни-
мается Kogoleva, замечая, что он говорит, уткнувшись в планшет.

— Нам пора спать — завтра тяжелый день, — переводит тему Tumanov. — День он-
лайн-голосования и раздачи Премии всегда насыщенный, и нужно хорошо выспаться.

— Кто тебе пишет постоянно?

— Я тебя люблю. Ты мне одна нужна. Ты самая красивая.

— Пустые слова.

— Ты мне не веришь? — удивляется Tumanov.

— Я уже не знаю чему верить.

Tumanov зеваает, глотает капсулу из фольги и укладывается на кровать в обнимку
с книгами.

Kogoleva идет в ванную, но в ней тоже оказываются книги. Она слишком устала, что-
бы бороться с ними, — ложится прямо среди них и засыпает.

6. Онлайн-голосование

Вязкий сон о том, что она играет в пьесе. Стоит на сцене, а в нее бросают книги.
Резкий, громкий смех сотрясает воздух. Мельтешение тысяч людей в зеркалах или зер-
кал в людях. Kogoleva просыпается. Тело будто побывало под поездом. Это все от сна
с книгами в неудобной позе, да еще в ванной.

Входит Tumanov. Лицо его вместо вчерашнего раздражительного принимает пе-
дантическое и назидательное выражение.

— В ванне спать не полезно, — говорит он.

— А мне больше негде, — иронично отвечает она.

— Ты, конечно, можешь спать везде, никогда не стану тебя ограничивать, но в ван-
не моются.

— Прости, но это и так понятно. Я устала от банальных нравоучений.

Tumanov поджимает губы.

У нее в руках появляется планшет. Обычный утренний ритуал комплиментов.

На экране появляется:

Ты самая верная жена.

Ты самый заботливый муж.

Ты нежная и ласковая.

Ты внимательный.

Kogoleva бросает планшет.

— Еще рано, — напоминает Tumanov. — Зачем ты бросила?

— Надоело это притворство на публику.

— Я правдив и справедлив — все честно между нами. А ты мало лайкаешь и коммен-
тируешь мои публикации в социальной сети.

— Ты с кем-то постоянно переписываешься — вот пусть и комментирует.

— Не будь такой ревнивой и вздорной бабой. У нас общество уверенных в себе
людей. А ты иногда бываешь очень неуверенной и все сомневаешься в моих чувствах
к тебе.

Kogoleva молчит — ей кажется, что над ней издеваются.

— Сегодня онлайн-голосование. Встретимся в экранном зале. И можешь не есть
таблетку от голода — будет фуршет.

— А как же метафора? — иронично спрашивает Koroleva.

— Сегодня не будет, — злобно отвечает он. — Ты все равно не отгадываешь. Вот помнится, моя бывшая пассия... Стало быть, познакомились мы в марте, четвертого числа, в субботу, ровно два года тому назад, в этот день, было холодно, и шел снег: в Доме еще не сменили зиму на весну. Я тогда читал биографию Петра Первого. Она только стипендию в Дом выиграла. А день рождения у нее в январе, первого числа. Как по старинке в Новый год. У нас в Доме дни рождения нужно помнить. Она только сдала экзамен на язык и загадала мне метафору. И потом всегда мои отгадывала. А еще ей понравились аквариумы, она от них пицала. Тебе нравятся наши аквариумы? Встретились мы как раз на онлайн-голосовании. Она была среди конкурсантов Премии в номинации «Творец года». Но не выиграла. И я подсказывал ей, как выиграть на следующий год. А в тот год выиграла жуткая баба — Гадалка. И где она творец? Нагадала как-то мне крах всего моего мира, который я придумал. Чтоб ее... Надо будет припомнить ей, отомстить.

Koroleva чувствует, как раскалывается на части голова, будто ее положили под пресс.

— Только раз и не отгадала твою метафору, — обиженно замечает она.

Его лицо принимает приторно-льстивое выражение.

— Да, все-таки ты хороший человек, — кивает Tumanov. — Я ищу удивительное во всех людях.

Koroleva молчит, и Tumanov уходит.

Koroleva выходит из аквариума. Тени нигде нет. Очень странно и необычно. Притаилась. Что-то задумала.

Все так же, как и на Юбилее: толпы народа собираются в кучки, мигают, готовятся экраны. Только все больше разоделись, и в углу прячется фуршет — подносы с канапешками из крабов и бокалы с вином. Koroleva жалеет, что не приняла таблетку от голода. Кроме крабов, есть больше нечего.

Koroleva видит свою кучку журналистов. Ильина усиленно машет, и она идет к ним.

Все празднично приоделись: толстенькая Ильина в коротеньком полупрозрачном платье в рюшах из фатина. Красное, под цвет волос, к мероприятию наращенных. А ресницы такой длины, что теперь еле моргает глазами. При каждом взмахе они достают почти до бровей и напоминают опахало. Ко всему не хватает только короны и палочки — сущая фея, думает Koroleva. Тимур-Шляпник в наполеоновской треуголке из своего собрания. Парасочка с зелененьким шарфиком, Тема с бабочкой. Агатка в своем репертуаре — все та же бесформенная одежда серых цветов.

На экране появляется главный сайт Дома и фотография Губернатора Рамаза Бондовича, которую сопровождает длинный текст. Все стихают и внимательно читают:

Рамаз Бондович призвал молодежь и неравнодушных предпринимателей помогать людям почтенного возраста

Губернатор Рамаз Бондович призвал жильцов Дома максимально воздержаться от выхода из аквариумов. Приоритет в пользовании общественным транспортом сегодня должен быть у людей, которые спасают жизни, обеспечивают правопорядок и жизнедеятельность Дома. Воспользоваться проездом теперь можно только с 11:00 до 15:00. Это вынужденная мера, цель которой обеспечить беспрепятственное прибытие на работу в первую очередь врачам и медработникам. Организована выдача медработникам удостоверений, дающих право первоочередного прохода в транспорт. Отличить врача можно по желтой ленте на рукаве.

Для безопасности жителей принят новый порядок посещения магазинов. Количество людей в торговом зале не должна превышать одного человека на 10 квадратных метров, а дистанция между посетителями быть не менее 1,5–2 метра.

— Элементарные меры безопасности, которых сегодня должен придерживаться каждый житель Дома — гарантия предотвращения распространения вируса, как это случилось вне Дома, во всех гетто, — отметил Рамаз Бондович. — Особенно это касается людей почтенного возраста. В Доме сегодня более 40 000 пенсионеров в возрасте 60+. В то же время мы имеем около 200 000 молодых жителей. Если каждый сегодня примет патронат над кем-то из соседей старше 60 лет, мы сможем защитить наших дедушек и бабушек от инфицирования, а значит, сохранить их жизнь и здоровье.

Рамаз Бондович призвал молодежь, равнодушных предпринимателей и всех жителей Дома помогать пенсионерам, в частности, предостеречь их от походов по магазинам.

Ильина ухмыляется.

— Я писала, — хвалится она. — Точнее, копировала с губернаторского сайта.

— О каком вирусе идет речь? — не понимает Kogoleva.

— Как, ты не слышала? — удивляется Ильина. — Какой-то неизвестный вирус, от которого люди исчезают. Были и нет. Сначала на голове появляется ореол в виде короны, затем исчезают легкие, а потом и весь человек пропадает, будто испаряется.

— А откуда такая статистика пенсионеров? Я заметила, что в Доме очень мало пожилых людей. Точнее, их почти нет. И почему именно они в зоне риска?

— О, это надежный источник, — уклончиво отвечает Ильина. — А в зоне риска пенсионеры потому, что сначала этот вирус почему-то косит именно пожилых.

— В гетто, например, вообще пенсионеров нет — их куда-то увозят. Поэтому очень странная это статистика: в гетто пожилых людей нет, здесь, в Доме, их тоже крайне мало. Где ж эти сорок тысяч скрываются?

— Ну, где-то, значит, они есть.

— Кстати, а что за сценарий в гетто?

— Ну, как же? — возмущается Ильина. — Все знают, она не знает! А еще журналист. Все гетто за ночь опустели. Сначала стали пропадать отдельные люди, а потом и все гетто вымерло — никого не осталось, пусто.

Kogoleva чувствует как громко стучит ее сердце.

— Как все? И что же — совсем никого не осталось там?

— Никого, — разводит руками Ильина. — Всех выкосил неизвестный вирус.

— У меня же там родные! — восклицает она, но выходит натянуто и неестественно.

— Сочувствую, — безразлично говорит Ильина.

Kogoleva пытается вспомнить лица родных, но ничего не получается — все будто в тумане, точно и не с ней происходило. Вся прошлая жизнь в южном гетто стерлась из памяти. Вроде же был у нее там кто-то близкий, но кто конкретно — этого она вспомнить не может, как ни пытается, как ни напрягает память. Как только она попала в Дом — память о прошлой жизни стала быстро стираться. Новость о вымирании всех гетто пробудила у нее смутное ощущение чего-то знакомого, еле уловимого лучика тепла, не более. Нет сожаления или печали — она воспринимает случившееся как сторонний наблюдатель, который слышит о катастрофе, случившейся настолько далеко, что не затрагивает глубинных чувств.

На экране появляется вторая статья:

Рамаз Бондович передал больницам Дома современное оборудование для борьбы с неизвестным вирусом

Защищать жителей Дома от пандемии нужно немедленно, и не словами, а конкретными действиями — такова позиция лидера команды «Родной Дом». Попав в больни-

цу, люди должны быть уверены, что там есть полный комплект медицинских средств, которые своевременно и профессионально применяют для их лечения.

Рамаз Бондович вместе с главным архитектором Дома передал медицинским учреждениям 6 гигантских криоцилиндров. Это суперхранилище, в каждое из которых помещается 25 баллонов кислорода, без которого не могут работать аппараты искусственной вентиляции легких — последняя надежда тяжелобольных пациентов с неизвестной инфекцией. Оборудование очень удобно в использовании и максимально улучшит процесс реанимации больных с воспалением легких.

Дополнительно для первой клинической больницы Дома Рамаз Бондович приобрел дефибриллятор (аппарат для сердечно-легочной реанимации), двенадцатиканальный электрокардиограф, 10 отсосов мокроты для тех же аппаратов искусственной вентиляции легких, 5 шприцевых насосов.

Также медицинским работникам передано 5000 респираторов с классом защиты FFP2, отвечающим всем стандартам. Они помогут врачам и медицинским сестрам выполнять свой профессиональный долг без риска для здоровья.

Эта акция нашей команды — не последняя. Мы и в дальнейшем будем помогать больницам Дома. Надеемся, нашему примеру последуют все, в том числе и те, кто любит красиво говорить и много обещать. Время слов закончилось, пора действий.

Команда Рамаза Бондовича действует.

Koroleva в недоумении обращается к Ильиной:

— Где же все эти перечисленные больницы?

Та пожимает плечами.

— А кто его знает? — отвечает она. — Не знаю — я никогда их не видела и не была там. Может, и нет их вообще.

Одетые в вечерние платья и костюмы жильцы лениво поедают канапешки из крабового мяса, запивая кровавым вином.

Koroleva чувствует себя так, будто попала в сплошное рекламное шоу.

На экране появляется очередная статья:

О работе «Декоративных культур» и озеленения Дома в условиях карантина

Специалисты коммунального предприятия «Декоративные культуры» в условиях введения карантина продолжают работу в штатном режиме. В Доме поэтапно и по четкому графику спиливают старые, аварийные ветки и деревья, высаживают молодые саженцы, кусты. Работники «Декоративных культур» готовят почву для высадки цветов на клумбах в парках и скверах.

— Фактически карантин не повлиял на работу КП «Декоративные культуры», — рассказывает Губернатор Рамаз Бондович. — Наши сотрудники задействованы в дезинфекции парков, скверов и детских площадок, находящихся на балансе «Декоративных культур». Для того чтобы обочины дорог нашего Дома были опрятными, коммунальщики уже закончили работы по посеву новой травы по улице Черно-Зеленой. Что же касается техники для полива, то ее достаточно для нужд предприятия. Мы четко понимаем: чем больше поливочных машин, тем лучше для Дома. Поэтому мы активно используем поливочную технику, — подытожил Рамаз Бондович.

— А что еще за карантин? — удивляется Koroleva.

— Как, ты разве не слышала? — спрашивает, тараща глаза, Тема. — Совсем в социальной сети не сидишь? С завтрашнего дня ведь в Доме вводят жесткий карантин. Нельзя выходить из аквариумов — можно общаться только онлайн. А еще вводят новые правила в связи с наступившей эрой великой пандемии — разноцветные намордники в зависимости от происхождения и популярности. Ходить без намордника

разрешено будет только самым полезным и счастливым жильцам, которые выиграли Премию. Вместо паспортов — намордники. При рождении человеку будет выдаваться индивидуальный намордник со штрихкодом. Менять его нужно раз в год. Все эти меры уберегут жильцов от вируса.

— То есть собакам выходить и гулять можно, а людям нет?

— Совершенно верно, — с умным видом изрекает Тема. — По-моему, весьма правильные и справедливые меры.

— А по-моему, совсем драконовские, — говорит Koroleva.

— Ты просто не местная, — высокомерно замечает Тема.

— А где вообще парки, скверы или хотя бы деревья? — спрашивает Koroleva. — Я пока ничего не видела. Одни стеклянные переходы.

— Я и сама ни разу в парке не гуляла, — замечает Ильина. — Но они где-то есть.

— Один есть, я точно знаю, — кривляясь, встречает Агатка. — Но это странный парк. Он всегда закрыт и безлюден — окружен прозрачным забором, и там видеокамеры.

— Почему так? Как-то не погуляешь.

— Никто не знает почему, — пожимает плечами Агатка. — Внутри дорожки и какие-то камни с нарисованными глазами и треугольниками. Кругом фонари, клумбы, зеленые лужайки, лавочки у дорожек, но никто на них никогда не сидит.

— Говорят, это личный парк самого Губернатора, — хихикает Парасочка. — Я даже стих об этом написал — на семинаре покажу.

На экране появляется очередная статья:

В Доме продолжают дезинфицировать аквариумы и ближайшие территории

Чтобы обезопасить жителей нашего Дома от возможного распространения неизвестной инфекции, работники жилищно-коммунального хозяйства вместе с дээсэ-эсниками продолжают дезинфицировать аквариумы Дома, лифты-трубы, приаквариумные территории, детские площадки.

— Ага, говорят, одной водой и дезинфицируют, — заливается кашляющим смехом Парасочка.

Статья сменяется другой:

В Доме коммунальщики моют и облагораживают дороги

В Доме полезные коммунальные службы ежедневно активно работают на благо нашего общества. В частности, сейчас моют и облагораживают дороги. Представители жилищно-коммунальной сферы обновляют дорожные разметки на дорогах Дома, а именно — разметку пешеходных переходов.

Работники коммунальных служб КАТП-1628, «Декоративные культуры», ООО «ДСК „Квант“» по четким, отработанным графикам каждое утро и каждую ночь моют дороги.

Губернатор Рамаз Бондович рассказал, что все графики мытья дорог в Доме составлены по нормам соответствующих комиссий и согласованы с главным архитектором Дома.

— А как выигрываются тендеры и почему везде фигурируют одни «Декоративные культуры»? — спрашивает Koroleva.

— Так все эти предприятия принадлежат Губернатору, — бурчит Агатка. — То и разницы нет, кто этот тендер выиграет. Это так, для понтов.

На экране новая статья:

Большинство жителей Дома хотят, чтобы Губернатором снова стал Рамаз Бондович

Большинство жителей Дома выступают за то, чтобы Губернатором оставался Рамаз Бондович, лидер партии «Благодетель Дома». Таковы результаты опроса, проведенного журналистами на главном интернет-сайте Дома.

Согласно опросу, Рамаз Бондович получил более 80 % голосов.

По мнению полезного политического эксперта, губернаторство Рамаза Бондовича убережет Дом от войн, неизвестных эпидемий и экономического упадка — от всего того, чем страдали гетто.

Koroleva замечает, как изменилось название партии Губернатора.

— А почему он теперь лидер другой партии? — спрашивает она.

— Так следит за веяниями моды, — смеется Парасочка. — Куда ветер подует, в такую партию и вступает.

— А может, это и вообще одна партия, — встречает Ильина. — Суть-то та же. Только названия меняются.

Статья пропадает, и вместо нее на сайте появляется страница с голосованием. На странице только один кандидат — Рамаз Бондович. Под его фото больше миллиона лайков. Робот голосом Олега Часа торжественно называет победителя.

— Рамаз Бондович снова выиграл Премию в онлайн-голосовании! — восклицают кругом как-то заезженно, фальшиво. — Снова «Лучший политик года» и наш Губернатор!

— А где же другие кандидаты? — удивленно спрашивает Koroleva.

— А он единственный кандидат, — хохочет Парасочка. — Других и нет.

— Когда жильцы успели проголосовать, если все здесь? — не понимает Koroleva. — Так много лайков. Как же проходит голосование?

— Рандомно, — механически отвечает Ильина.

— Как это?

— Как то, — глупо улыбается она. — Просто кто хочет, тот и голосует.

На экране появляются результаты голосования в номинации «Повар года». Премию получает Мать крабов. У нее тоже миллион лайков. Вторым кандидатом была Ильина, но у нее набралось на порядок меньше лайков, и она существенно отстала.

— Так нечестно! — капризно надувает губы Ильина. — Я должна была выиграть — это у меня самые лучшие вкусные печенки выходят, а ее крабы всем уже давно приелись. С помощью сайтов-роботов накрутила себе голоса! Да еще мамаша главного архитектора и любовница жюри.

— Какого еще жюри? — запуталась Koroleva. — Разве не сами жители голосуют?

— Голосуют, — ироничным тоном поясняет Агатка. — Да только есть еще подпольное закрытое жюри, которое подписало договор о неразглашении и исподтишка заступает за нужных кандидатов.

Откуда ни возьмись, будто чувствуя, что о ней говорят, появляется Мать крабов. На этот раз она в длинном черном велюровом платье с огромным разрезом, в котором похожа на тощую ворону.

— Я снова «Повар года» — самая лучшая! — хвастается она. — Я знала, что за меня заступятся!

— Поздравляю! — с фальшивой улыбочкой выдает Ильина, но глаза источают яд.

— Спасибо, спасибо! — отмахивается Мать крабов, но видно, что ей приятно. — А вы знаете, какая у меня родословная? Я же потомок самого Наполеона! Да, я французенка! Онлайн-экскурсии в прошлое — это нечто: можно узнать всю свою родословную. Я новая принцесска! Встретимся в Париже!

— Только онлайн и остается путешествовать, а как же еще, если нельзя из Дома выходить? — бубнит Агатка. — А тут еще карантин, теперь уже даже из аквариума не выйти.

Ильина стучит зубами от злости и что-то бубнит про себя.

На экране появляется победитель в номинации «Журналист года». Здесь Ильина набирает миллионов лайков и получает Премию. Она расплывается в улыбочке.

— Я выиграла, выиграла! — приплясывает на месте она, хлопая в ладоши.

— Что же дает эта Премия? — спрашивает Koroleva.

— Не знаю, — пожимает плечами Ильина. — Главное, я выиграла!

— У тебя не самые лучшие тексты, — обиженно замечает Тема, набравший меньше лайков. — Ты сама накрутила голоса с помощью сайтов-роботов!

— Да это вообще снобская Премия! — поддакивает Агатка, которая набрала чуть больше, чем Тема, но недостаточно для победы.

В толпе мелькают Сергей Викторович, Славочка, Алиночка и Петруша. Они, как обычно, опоздали.

На экране появляется победитель в номинации «Писатель года». Миллион лайков и победу получает Славочка.

— Опять Славочка победил! — хлопает в ладоши Тимур-Шляпник. — Я знал, что так и будет! Он самый лучший! Его проза прекрасна! Я люблю тебя, Славочка!

Он подбегает к Славочке с поздравлениями, но тот демонстративно отворачивается с высокомерным видом.

— Сергей Викторович, не посмотрите мой рассказ?! — кричит Тема и бежит к Сергею Викторовичу. — С днем рождения, Сергей Викторович! Я помню, что у вас сегодня день рождения!

Но тот делает вид, что не замечает его, и отворачивается. Медленно отходит в сторону. За ним вся его свита. Тема остается на месте с растерянным видом.

— Да он сноб, — бубнит, кривляясь, Агатка. — Только своих читает.

На экране появляется победитель в номинации «Лучший творец года». Миллион лайков получает Гадалка, но она не явилась.

Далее номинация — «Деятель года». Миллион лайков набирает Tumanov. Все одобрительно кивают, но взгляды подозрительные и недовольные.

Tumanov протискивается сквозь толпу к ним. Вид у него довольный и снисходительный.

— Поздравляю, — говорит Koroleva.

— Да мне не нужна эта Премия, — надменно говорит он. — Это слишком попсово.

— А ты не получила ничего, потому что только из гетто недавно, — злорадно и одновременно как-то услужливо, чтобы не прогневить главного архитектора, встречает Ильина. — Ну, ничего, может, на следующий год получишь.

Koroleva молчит, предчувствуя, что следующего года не будет.

— Сегодня последний день, когда работают торговые центры и магазины, — говорит Мать крабов, хватая ее за руку. — Завтра вводят карантин. Нужно успеть запастись вещами!

— Да, да, составь мамаше компанию, — рассеянно говорит Tumanov.

Koroleva и Мать крабов едут на этаж торговых центров, где все стеклянные прозрачные аквариумы-супермаркеты возвышаются нескожаемыми рядами. Koroleva замечает, что народу прибавляется — прозрачные супермаркеты забиты жильцами, которые берут, сколько могут унести. И постоянно вырывают друг у друга только что взятое с полок.

Они останавливаются возле огромного стеклянного гипермаркета. Перед ним длинная очередь — пускают по двое, и только если вышли предыдущие. Но очередь движется быстро, и они уже внутри.

— Если все бесплатно, то кто же производит весь товар? — спрашивает Koroleva, наблюдая за тем, как жильцы хватают все подряд.

— А гетто зачем? — безразлично пожимает плечами Мать крабов, беря сразу десять флакончиков одинаковых духов. — Они все и делали. Это работа для их уровня сознания. А мы ее уже переросли.

Kogoleva видит, как в супермаркете пустеют полки. Жильцы будто в экстазе — глаза горят, а руки стараются захватить побольше. Каждый боится, что ему не хватит, хотя полки ломаются от товаров.

Мать крабов хватает десять наборов теней для век. Дальше она уже берет все без разбору — в точности как остальные.

— Ой, смотри, там дизайнерское белье, — с вытаращенными от жадности глазами кричит Мать крабов, хватает ее за руку и тащит к полкам.

Наконец они выходят из супермаркета. Kogoleva направляется к лифту-трубе, но та ее останавливает.

— Сейчас поедem на лимузине, — торжественно объявляет она. — А что мне тащить с пакетами, как обыватель-плебей? Прокатимся как нормальные избранные люди.

— Ладно, прокатимся, — безразлично отвечает Kogoleva.

Подъезжает белоснежный лимузин. Двери автоматически открываются — они садятся. Водителя нет — лимузин на автоматическом управлении.

Мать крабов достает бутылку шампанского и выпивает залпом. Заметно пьянеет.

— Ну, ты совсем не состоялась как журналист, — тычет кривым тощим пальцем она. — Премию не получила. Лайков не набрала. Шубы у тебя нет. Завтра на «Маскараде пользы» говорить, что тебе дал Дом, а ты так и не стала своей. Вряд ли тебя оставят здесь.

— Как, разве прошла уже неделя? — безразлично спрашивает Kogoleva. — Я даже не заметила.

— А тут вообще все быстро проходит. И даже не думай, что у вас любовь с моим сыночком. Размечталась. Недельку прожили вместе. Бывшая-то усердней была и то вылетела. А из южного гетто все ленивые, как ты. А ему только крабов можно есть. А приступы? Я его мать — видела их тысячу раз и то не терплю. Нервы стали ни к черту.

Она тянется за второй бутылкой и тоже выпивает залпом. Язык начинает заплетаться.

— Ты не подходишь ему. Так что сама уходи. Не состоялась ни как жена, ни как журналист.

— Вы же говорили, что мы хорошая пара, — иронично говорит Kogoleva. — Счастья желали.

Мать крабов пьяно хохочет и тянется за третьей бутылкой. Над ее головой все отчетливей виден ореол в виде короны.

— А я вообще люблю говорить. И хватит настраивать сыночка против меня!

— По-моему, вы перепили.

— Таким негативным бабам, как ты, не место в нашем Доме позитивных людей.

Лимузин останавливается. Kogoleva выходит из машины. Мать крабов грозит ей вслед кулаком. Но двери быстро закрываются, и лимузин катит дальше.

У аквариума снова сторожит тень — на сей раз она темнее обычного, с более четкими женскими контурами.

— Ну как, стираешь целыми днями носки? — слышится ироничный голос. — Уходи отсюда!

Kogoleva пытается пройти мимо, но ее снова бьет током, и она спотыкается, чуть не ударившись головой о стеклянную стену аквариума. Тень хохочет.

Внутри аквариума невозможно шагу ступить из-за книг: от пола до стеклянного потолка они возвышаются нескончаемыми стопками. Туманов педантично перекладывает каждую и смахивает тряпочкой пыль.

Рядом гуляют тысячи призрачных теней «замечательных людей».

— Почему они все здесь? — раздражается Koroleva.

— Ну, хочется им, вот они и здесь, — равнодушно пожимает плечами Tumanov. — Больше всего в жизни я люблю биографические книги. Это справедливо, что они не покидают меня.

— Твоя мамаша оскорбляла меня.

— Не может быть — она очень позитивная. Я слышал онлайн ваш разговор — ничего плохого в ее словах не было, никаких оскорблений.

— Как это слышал онлайн разговор?

— На всех этажах и улицах расставлены камеры — они снимают в режиме реального времени и транслируют видео на экраны и планшеты.

— Тогда ты должен был слышать унижения.

— Никто тебе плохого не хотел — у нас общество позитивных людей.

— Тень, которая постоянно караулит у нашего аквариума, шипит на меня и бьет током, — жалуется Koroleva.

— Не выдумывай, — хохочет Tumanov. — Она была хорошим человеком. Она меня спасла, когда я тонул в ванне. Вот ты бы меня спасла из ванны?

Koroleva слишком возмущена, чтобы спорить. Чувство незащищенности и предательства тлеет внутри. Она идет в ванную, чтобы провалиться в сон. Но там книг стало еще больше — они возвышаются стопками из ванны почти до половины аквариума.

Вначале Koroleva решает совсем не спать, но сон одолевает ее, и она засыпает сидя, облокотившись на ванну.

7. Маскарад пользы

Всю ночь ей снятся полуразрушенные многоэтажки, точно после бомбежки. Небо сквозь дырявую крышу. Разруха, запустение.

Koroleva просыпается от вспыхнувших стенных экранов и невыносимого запаха хлорки. Вместо обычного утреннего ритуала обмена комплиментами в чате там статистика неизвестной пандемии:

Утром в Доме подтвердили 9009 случаев заражения неизвестным вирусом. Выздоровели 864 пациента. За последние сутки в Доме заболели 392 человека. Всего в Доме методом ПЦР исследовали 93 519 образцов. Об этом сообщают в Центре общественного здоровья Дома. При этом в Доме только что зафиксировали 173 случая неизвестной инфекции. Это на один случай больше, чем вчера.

Появляется Tumanov, обильно разливая вокруг себя хлорку.

— Откуда такая статистика? — не понимает Koroleva. — Как могло столько людей заболеть меньше чем за сутки? Какие-то ужасные, преувеличенные цифры.

— Все правда — вот и мамаша со вчерашнего дня пропала. Говорят, испарилась прямо из лимузина. Только пустые бутылки из-под шампанского да вещи от нее и остались.

Koroleva вспоминает, что вчера видела у нее над головой ореол в виде короны — а это признак неизвестного вируса.

— А зачем хлорка? — спрашивает она.

— Передавали, что она защищает от вируса! — говорит Tumanov и еще обильнее поливает вокруг хлоркой. Затем начинает умываться ею и мыть руки.

Koroleva задыхается.

На экране снова появляется статистика:

В Доме больше 66 000 000 тюбиков дезинфицирующих средств выделили на борьбу с неизвестным вирусом

Только что состоялся онлайн-брифинг Губернатора Рамаза Бондовича о ситуации с неизвестным вирусом в Доме. Губернатор напомнил, что по состоянию на сегодняшнее утро 9009 лабораторно подтвержденных случаев: из них 221 летальных, 864 пациента выздоровели. За сутки зафиксировано 392 новых случая.

За ночь составлено 19 протоколов нарушения правил самоизоляции и комендантского часа.

— В Доме действуют 17 инфекционных отделений, которые обеспечены всем необходимым и могут принять 427 человек, — сказал Рамаз Бондович.

Рамаз Бондович также рассказал, что в Доме пока трудятся 36 мобильных бригад, которые сразу же выезжают на вызовы.

Рамаз Бондович отметил, что за сутки делается более 140 тестов, их число планируют увеличить до 200. Тесты имеются в наличии в достаточном количестве.

Тимапов подозрительно шурится.

— А ты же вчера контактировала с мамашей, ведь так? Вы ходили вместе за вещами.

— Ты ведь тоже. На онлайн-голосовании.

Тимапов обливает ее хлоркой.

— Я-то уж точно не болен, — высокомерно и как-то зло говорит он.

Koroleva хочет возмутиться, но в руках у нее пикает планшет: в чате журналистов раздаются задания на удаленную работу. Ильина присылает один рекламный материал за другим, чтобы Koroleva его размещала на сайте.

— Во время пандемии будет очень востребована Гадалка, поэтому нужно ее пропиарить, — пишет Ильина. — Поставь на сайт статью про ее коллекцию фарфоровой посуды. Очень даже позитивненько. Если бы мы расписывали ее услуги, читатели сразу заподозрили бы скрытую рекламу.

Koroleva копирует на сайт:

Гадалка собрала коллекцию фарфоровой посуды и покорила Дом позитивом

Мы пообщались с Гадалкой и узнали много интересного о ее коллекции .

Госпожа Гадалка, расскажите как у вас возникла идея собирать фарфоровую посуду.

Я собираю ее с детства. Это были тяжелые времена в гетто, и нужно было отвлечься. Мама была по образованию инженер и вовсе не коллекционер в душе. Затем я играла стипендию в Дом и получила грин-карту. Здесь я стала расширять свою коллекцию, ведь мне всегда хотелось большего — это и вдохновило.

Почему вы решили коллекционировать именно фарфоровую посуду?

Моя бабушка на все праздники выставляла очень хороший сервиз «Богемия», который мне очень нравился. Наверное, моя любовь к красивой посуде с тех пор. Меня всегда окружали люди, которые умеют хорошо готовить и разбираются в качестве фарфора, в красоте. Мне хотелось коллекционировать что-то близкое к приготовлению пищи.

С чего все начиналось?

Ложилась спать и мечтала о коллекции. Верно говорят — ставь цель и просто к ней иди. Спасибо Губернатору нашего замечательного Дома — Рамазу Бондовичу, который очень чутко ко мне отнесся, когда я оказалась в Доме и поделилась идеей коллекции. К тому времени Дом только заселялся — я была в одной из первых

волн. Мне предоставили аквариум и позволили самой выбрать интерьер — за это большое спасибо главному архитектору и Рамазу Бондовичу.

Что лично для вас главное в вашей коллекции?

Когда у человека нет настроения, то ему не до коллекции. Поэтому для меня важно вдохновить жильцов окружить себя красивыми вещами. Коллекционирование красивых вещей влияет на настроение, на мышление.

По каким принципам вы коллекционируете фарфоровую посуду?

Мне достаточно того, что я эмоционально получаю от коллекции. Ведь счастливый человек не тот, кто много имеет, а который нуждается в малом. Я вижу свою миссию в другом — пусть наши жильцы прочувствуют важность коллекционирования. И я рада, что способствую этому. Я занимаюсь любимым делом, но работаю для жильцов и очень полезна Дому.

Чем ваша коллекция отличается от других?

Как говорил кто-то известный и счастливый: «Делай свое дело честно и с душой, и твое к тебе придет». Так и я подхожу к своей коллекции. Я всегда благодарна, особенно нашему Губернатору Рамазу Бондовичу и, конечно, главному архитектору Дома.

Естественно, я всегда готова дать дельный совет не только в коллекционировании, но и заглянуть в ваше будущее, помочь сделать правильный выбор, предостеречь от беды, подготовить к счастью и радости. У меня опыт предсказаний более десяти лет.

Те, кто хочет более подробно ознакомиться с деятельностью госпожи Гадалки, могут посетить ее веб-сайт и ознакомиться с ее услугами.

Koroleva в недоумении всматривается в статью, которую только что выставила на сайт. Гадалка говорит неестественно о самой себе, будто кто-то сочинял вместо нее ответы.

— Статья о Гадалке выглядит неправдоподобно, — говорит вслух Koroleva. — Она так не выражается, не думает.

— А как можно быть уверенным, что мы вообще по-настоящему говорим с людьми, наполовину не выдумав за них? — усмехается Tumanov. — Это и есть журналистика.

— Ты хочешь сказать, что Гадалка и не знает, что о ней написали?

— Возможно, — неопределенно пожимает плечами Tumanov.

Koroleva хочет возразить, но не успевает — приходит следующая заказная статья.

Общеобразовательная гимназия № 25 празднует юбилей — 80 лет

Общеобразовательная гимназия № 25 — известное в городе учебное заведение. Гимназия имеет большую историю и много выдающихся и талантливых выпускников.

— Я только сейчас подсчитал, что оказывается, я выпустился из школы № 25 сорок лет назад, — вспоминает Губернатор Рамаз Бондович. — Воспоминания о родной школе, конечно, позитивные. Помню преподавателей нашей школы, многие уже не с нами, к великому сожалению. Как Губернатор Дома я стараюсь помогать родной школе.

Главный архитектор Дома Tumanov также учился в гимназии № 25:

— Вспоминаю очень много всего — концерты, капустники, которые проходили в школе. Помню посвящение в пионеры, будто это было вчера. Какие еще могут быть воспоминания из детства? Только позитивные, только приятные.

— Ты тоже учился в этой гимназии? — удивленно спрашивает Koroleva.

— Как видишь, — загадочно усмехается Tumanov.

- Какие-то слишком ванильные воспоминания.
- Естественно — я же ненавижу школу, — смеется Тимапов.
- Зачем же дал такой комментарий?
- Что за наивная простота? — злится он. — Этот комментарий написали за меня.

И вообще все статьи пишет робот по определенной форме. Больше не нужно ни у кого брать интервью, общаться с человеком. Робот берет информацию в социальной сети и адаптирует ее под единый шаблон, исходя из тематики. Задача журналистов лишь выставить ее на сайт и проследить, чтобы робот не допустил ошибок, чтобы не произошел сбой.

- Но ведь Ильина хвасталась, что сама написала статью!
- Она так называет рерайт.

Снова приходит статья — на этот раз результаты голосования детского фотоконкурса «Принц и Принцесса Дома», сплошь состоящая из бесконечного списка победителей, выделенного жирным шрифтом, а также из перечисления призов. Ей кажется, будто победили все дети Дома, и цель конкурса стирается, ускользает.

Koroleva чувствует усталость, а между тем статьи все сыплются, и все написаны по единому шаблону. Koroлева чувствует голод, но знает, что таблетки от голода закончились, а выйти к Администратору некогда, да и запрещено правилами самоизоляции.

Наконец Ильина объявляет в чате, что нужные часы набраны и можно приступать к «Маскараду пользы» — ритуалу, заменившему Новый год. В чат она сбрасывает ссылку, по которой можно подключиться к онлайн-конференции. Но перед тем каждый должен надеться в какой-нибудь костюм.

В чате распределяют роли.

«Я фея с волшебной палочкой — в платье и короне, — пишет Ильина. — Агатка — кошка в сапогах, Koroлева — русалка, Тема — снежинка, Парасочка — Дед Мороз, а Тимур-Шляпник — мексиканская елка — у него есть сомbrero в коллекции».

- Где же мне взять костюм русалки? — теряется Koroлева.

— Проснусь завтра, а Нового года нет — вместо него год обычный, — глубокомысленно изрекает Тимапов. — Хожу по городу, встречаюсь с разными елками и прощаюсь с ними. Это помогает замечать отжившее в любом уголке, в каждом из нас.

- Только метафор твоих не хватает, — вздыхает она.

- А тебе и костюм не нужен, — парирует он.

Но говорит, снова уткнувшись в планшет. На стенном экране она успевает прочитать, что он называет кого-то очень красивой. Злость и ненависть переполняют ее. Ей хочется разбить планшет, но она сдерживается.

— Ну, возьми 5D-гардеробную, — снисходительно говорит Тимапов, теперь уже листовая страницы книжного сайта. Выбирает очередную книгу из серии «Жизнь замечательных людей».

- Что это? — раздраженно спрашивает Koroлева.

— Я там для мамы сделал две шубы, — вздыхая, поясняет он. — Третью не успел — пусть земля ей будет пухом. Гардеробная всегда дает полезные вещи.

- И где ее взять? — нервно трясется Koroлева. — Разве нельзя сказать проще!

— О боги, да она встроена в планшет, — закатывает глаза Тимапов. — Зайди в нее, выбери нужный костюм на сайте, нажми на него и сразу в нем окажешься. Костюмы на маскарад пользы входят в категорию полезных. Но запомни, что идея Дома — не иметь много вещей. Это буржуазно и отдает прошлым.

Koroлева находит нужный костюм на планшете и жмет на кнопку. В ту же минуту она в костюме русалки — парик с длинными розовыми волосами, оранжевый лиф и зеленый блестящий хвост. Ей кажется, что она похожа на детскую игрушку.

Ильина будто чувствует, что пора, и начинает онлайн-конференцию — фея в розовой пышной юбке из фатина. На голове — пластмассовая золотая корона в каких-то безвкусных детских стразах. Рябое широкое лицо обсыпано золотистыми блестками. В руках волшебная палочка. Но Kogoleva замечает и другую, полупрозрачную корону, которую видела над головой Матери крабов перед ее испарением.

Понемногу к конференции подключаются остальные. Тимур-Шляпник в огромном зеленом сомбреро с елочным узором. Агатка смахивает на пошловатую женщину-кошку из комиксов и совсем не похожа на кота в сапогах. Парасочка в обычном костюме Деда Мороза, который идеально гармонирует с его длинной бородой. Тема в костюме снежинки, сделанном из белых бисеринок, напоминает плетеную феничку.

— И так дорогие мои, начнем, — с позитивной улыбочкой говорит Ильина. — К сожалению, в этом году из-за неизвестного вируса мы не можем встретиться в экранном зале и вынуждены говорить, что нам полезного дал Дом, онлайн. Что ж, все это делается для нашей же безопасности. Кто хочет выступить первым?

Молчание.

— Тогда начну я, — с гордостью говорит Ильина как-то заученно. — Грин-карта в Дом дала мне очень многое — в первую очередь новое позитивное откровение, где я нашла близких мне по духу людей, единомышленников. Я обрела здесь настоящих друзей! Второе, это не только любимое, но и полезное занятие — выставлять свежие новости, информируя жильцов о главных событиях. Спасибо нашему славному Губернатору и главному архитектору за чудесный Дом, сайт, семинары и прочее — всего не перечислить. Благодаря семинарам журналистов я стала писать собственные рассказы и стихи. Спасибо большое за Премию в этом году. Дорогие организаторы, я знаю, что это нелегко, и вы проделали колоссальную работу и приложили немало усилий, чтобы мы могли получать эти Премии. Я буду стараться еще больше, чтобы оправдать веру в меня.

Ильина замолкает — поток ее красноречия иссяк. Кажется, будто кто-то лимитировал лесть и дозировал лицемерие — вот столько-то знаков с пробелами, и ни больше, ни меньше.

Тут же эстафету подхватывает Тема:

— Можно я, можно я теперь!

Ильина кивает.

— Дом мне дал очень многое — всего не перечислить! — воодушевленно продолжает он. — Как было плохо в восточном гетто! Какая коррупция, бюрократия! И никаких перспектив ни для журналистов, ни для писателей. Ни одного семинара! А еще война — да я чуть не умер! Вокруг рвались бомбы, так и норовили упасть прямо на меня! Я так рад, что попал в Дом по стипендии! Быть здесь, в Доме — величайшее благо для меня! Спасибо огромное нашему главному архитектору и Губернатору! Спасибо Сергею Викторовичу! Я всем им сплел браслетики из бисера в знак глубочайшего уважения и почтения! Жаль, что из-за карантина нельзя вручить их лично. Но ничего, это вынужденная мера, ведь карантин уберет наши жизни от страшной неизвестной болезни!

Он бы и дальше продолжал, но Ильина иронично, но учтиво, с улыбочкой, перебивает его:

— Да, да, Тема, мы тебя поняли. Дай высказаться другим. Конференция ограничена во времени.

Он чинно кивает, соглашаясь.

— Тимурчик, может, ты хочешь продолжить? — обращается она к Тимуру-Шляпнику.

— Конечно, конечно! — кивает тот. — Я благодарен Дому за новый круг знакомств, за людей, которым искренне интересно мое собрание шляп, за единомышленников.

До Дома я был никем. Я барахтался среди чуждых мне людей. И здесь я встретил любовь всей моей жизни — прекрасную девушку Ильину! Девушку, с которой у меня полное душевное родство. Я объявляю во всеуслышание, что мы с Ильиной теперь будем жить вместе, как только будет разрешено выходить из аквариумов — мы с ней муж и жена.

Старуха Ильина наигранно краснеет и потирает руки. Тимур-Шляпник сияет улыбочкой.

— Ну, кто дальше? — говорит довольная Ильина. — Агатка, ты? Скажи, что дал тебе Дом.

— Я благодарна, что получила стипендию в Дом, — кривляется Агатка. — В северном гетто меня бы ждало забвение. Там обыватели все ужасно тупые и незрелые в мышлении. Там нет работы и все ужасно обозлены. А теперь и гетто это вымерло, и, признаться, я рада этому. Дом выявил мои истинные способности, таланты. Я благодарна Дому за эксклюзивность!

— Хорошо, — кивает Ильина. — А ты, Парасочка, за что благодарен Дому?

— Ну, я бы по-другому сказал, — усмехается он. — Благодарность — вещь условная. Скорее, чем полезен мне Дом. Вам всем не хватает философии. Вообразите, что существует много альтернативных вариантов жизни. Вот не попали бы вы в Дом, что тогда делали? Или если попали, а потом вдруг вернулись назад в гетто, смогли бы жить, как раньше, в прежнем окружении, общаться с ограниченными обывателями? И если копнуть поглубже...

— Парасочка, можно конкретнее? — недовольно, но уважительно перебивает Ильина. — Вся эта философия хороша, конечно. Что конкретно дал тебе Дом?

— Да куда же проще? Я вообще очень простой человек. Так я ж и говорю — вот что если представить возвращение опять в гетто? Невозможно представить...

— Так, ладно, ясно, — снова перебивает Ильина. — Мы тебя поняли. А что скажет Koroleva? У нее был испытательный срок. Что тебе дал Дом?

Молчание.

— Ты согласишься вопрос? — настаивает Ильина.

— Слышу. Ничего не дал.

— Как ничего? — выпячивает глаза Ильина.

— Ничего.

— Не может быть! Подумай! У тебя испытательный срок, ты должна была из кожи вон лезть, чтобы стать здесь своей. На что ты рассчитываешь? Несчастливых, больных негативом людей в Доме не оставляют! За неделю у тебя не прибавилось ни лайка.

— Так мне сразу и дали понять, что никогда я не стану здесь своей, — равнодушно говорит Koroleva. — Чего ж тогда из кожи вон лезть?

— Тогда не удивляйся, если завтра тебя станут игнорировать. Ты будешь вне системы. Выгнать-то тебя сложно — ты жена главного архитектора. Хотя у вас, по всей видимости, не все замечательно, судя по утреннему ритуалу обмена комплиментами. И совместных фото почти нет. Так что по тебе, милочка, плачет кафе бывших жен.

Koroleva молчит.

— Так ты написала о своем утре? — строго спрашивает Ильина. — Тебе давали задание.

— Нет, не было времени. Да и писать нечего.

Молчание. Ильина переглядывается с остальными. Те едва заметно одобрительно кивают.

— А теперь, друзья мои, завершаем наш маскарад пользы, — меняет она тему разговора. — Жаль, что мы не можем исполнить наш ритуал — в этом году из-за каран-

тина и ограничения передвижения не соберемся, чтобы выбросить елки и тем самым по всем правилам встретить Новый год в Доме, оставив в прошлом все ненужное. Сейчас не получится полностью очистить память от мусора.

— Что это за странный ритуал выбрасывания елок? — спрашивает Koroleva, но на нее никто больше не смотрит, и все дружно игнорируют.

Koroleva выходит из конференции.

Tumanov занят книгами — обрабатывает их хлоркой — и не замечает ее.

Koroleva чувствует голод, но вспоминает, что таблетки от голода закончились.

Книги все прибавляются, и она чувствует себя лишней. Koroleva задыхается. Ей хочется на природу, к зелени, которая, как говорят, теперь есть только в Доме весной и летом. Именно тогда, когда запрещено выходить из аквариумов, ей хочется посетить странный закрытый парк, чтобы хоть издалека увидеть деревья.

Она идет к выходу, но Tumanov вдруг догоняет ее и хватается за руку.

— Ты куда? — прищуривается он. — Из аквариума нельзя выходить. Все на самоизоляции.

— Мне нужны таблетки от голода, — уклончиво отвечает Koroleva.

— Не уходи, — будто что-то чувствуя, говорит он. — У меня к тебе очень большая любовь. Даже больше, чем к моим книгам.

Koroleva молчит, она так давно хотела это услышать, что не чувствует ни радости, ни душевного подъема — только равнодушие, застрявшее комком в горле.

— Я скоро вернусь.

Голова его поникает.

— Мне больше никто не нужен, кроме тебя, — говорит Tumanov, гипнотизируя ее голубоглазым взглядом. — Хочешь, выкину все книги?

Koroleva качает головой и выходит из аквариума.

Женская тень витает тут же — пытается влезть в аквариум, но у нее не получается. Слышны ругательства. Она так этим поглощена, что не замечает, как Koroleva выходит, и не бьет током.

Koroleva идет пустыми прозрачными коридорами — нигде ни души. Находит Администратора у синего лифта-трубы. Тот радостно косит на нее взглядом. Ничего в его облике не поменялось, кроме обязательных теперь перчаток и намордника.

— За таблетками от голода? — спрашивает он.

— А ты разве не на самоизоляции, как все?

— Нет. Мы, Администраторы, дежури́м и не оставляем свой пост даже в пандемию.

— Я провалила последний экзамен — меня здесь не оставят. Мой семинар уже меня игнорирует. Так что подумай, с кем общаешься.

— Да мне все равно на эти лайки. И чего на них все так помешаны?

— Думают, что в них счастье.

— А на деле в ягодах, — вздыхает он. — Чувствуешь, как ягодный запах усилился? Это чтоб жильцы не чувствовали себя несчастными на самоизоляции. Все же общение теперь ушло в сеть.

— А разве оно оттуда выходило? — пожимает плечами Koroleva.

— И то правда.

— Я хочу к закрытому парку, — говорит Koroleva.

— Нельзя, — машет головой Администратор. — Карантинные ограничения. В парках можно выгуливать только собак. Поговаривают, что даже штрафы ввели за нарушения.

— А мы нарушим эти ограничения.

— Так все равно же там закрыто — никого не пускают. Да еще камеры все снимают. Что там делать?

— Я просто там не была и хочу посмотреть.

— Ладно, пошли, — нехотя соглашается Администратор. — Только ради тебя.

Они идут к желтому лифту-трубе. Едут на нужный этаж. Идут стеклянными прозрачными коридорами. Нигде ни души. Администратор постоянно озирается. Наконец упираются в стеклянную стену, окружающую безлюдный парк. По деревьям видно, что пришла весна. Ярко-зеленые, сочные, молодые листики колышутся на ветру, будто в витрине музея. Откуда там ветер? И есть ли там этот невыносимый ягодный аромат, от которого тошнит? Парк окружен прозрачным стеклом. Весна для избранных. С идеальной симметрией посаженные аллеи. Каменные дорожки ровными стрелами уходят в разные стороны. По бокам, никем не тронутые, лавочки. У конца каждой аллеи какой-то загадочный огромный камень с гравировкой в форме глаз и разных геометрических фигур. Все камни разной формы. Парк мигает крохотными красными огоньками — везде напичканы видеокамеры.

— Почему он закрыт? — спрашивает Koroleva.

— Кто ж его знает? — пожимает плечами Администратор. — Это личный парк Губернатора. Стало быть, только он и знает.

— Только он и гуляет здесь, значит?

Тот снова пожимает плечами.

— Никто его и не видел живьем ни в парке, ни вообще. Он всегда на экране. Только оттуда и обращается всегда к жильцам.

Раздаются шаги. Администратор настораживается и боязливо съеживается.

Koroleva оборачивается и узнает Аглаю. У той проясняется обычно мрачное, задумчивое лицо.

— Аглая! — радостно восклицает Koroleva. Она не ожидала увидеть в Доме давнюю подругу по гетто.

— Ксения? — удивленно, будто не веря глазам, переспрашивает Аглая.

Koroleva смутно вспоминает, что когда-то, целую вечность назад, в прошлой жизни, ее так звали. Но имя кажется чужим и незнакомым и не вызывает никаких эмоций.

Администратор незаметно пятится к лифту-трубе и делает вид, что дежурит.

— Как ты оказалась в Доме? — спрашивает Koroleva.

— Выиграла грин-карту, — хвастливо говорит она.

— Странно, я тебя нигде не видела, ни на одном мероприятии. В каком же ты семинаре?

— Онлайн-путешествий. Call-центр для обращений. Нам монтируют лучом звонилку прямо в голову, и мы круглосуточно можем записывать жильцов. Теперь нет ни одной свободной минуты на личные дела — все время уходит на то, чтобы быть полезной Дому, служить ему.

— Зачем же к вам обращаются жильцы?

— Мы организуем туры в прошлое, чтобы жильцы могли проследить свою родословную, — Аглая понижает голос: — Недавно, перед карантином, пошел слух, что людей с неподходящей родословной будут выживать из Дома. Объявят их негативными и станут игнорировать. Долго ли так человек протянет? На то и рассчитывают.

— Куда же возвращаться, если, говорят, все гетто вымерли?

— Вот именно так говорят. А еще пошел слух, что неизвестный вирус как раз испаряет именно таких. Его специально для этого и запустили. Сначала нарочно выкосили гетто, а потом и тут решили провести чистку. Мол, так рейтинги у шоу повысятся.

— У какого шоу? — не понимает Koroleva.

— Как, ты не знаешь? — удивляется Аглая. — Все это одно сплошное реалити-шоу. Твой муженек его и придумал. Наш семинар и отбирает людей, которые в него попадут.

Минуту Koroleva осмысливает сказанное — но решение принято, его уже не изменить.

— Ты счастлива здесь? — прищурившись, вдруг спрашивает Koroleva.

— Думала, что буду. Так стремилась сюда. В итоге чувствую что-то похожее на жалость. Не так я все здесь себе представляла и теперь очень тяжело расставаться с иллюзиями. По сути, ничем тут жизнь и не отличается от той, что была. Только правила другие. Да и любимый остался в гетто: его в Дом не пускают из-за родословной. Не выдают человеческий паспорт и электронный пропуск. Говорят, человек с родословной грача не имеет права попасть в Дом. Мол, где это видано, чтобы грач стал человеком, да еще был полезен Дому. А тут еще пандемия — боятся, чтоб сразу не принесли с собой новенькие.

— Но это же действительно правда, что все гетто скосил неизвестный вирус?

— Непонятно, — пожимает плечами Аглая. — Никто не знает достоверно. С любимым связи нет. Уже, наверно, и не увидимся никогда. Может, уже и грачиху себе нашел. А все эта бюрократия. Нужна настойчивость, да и, потом, грачи не привыкли жить по законам общества. Я ему объясняла, как важно попасть в Дом вместе, а он все говорил, что у нас всех преклонение перед Домом. Представляешь? Все повторял, что ему и в гетто хорошо бы жилось, лишь бы со мной. Я ему: тогда переедем в западное гетто, там хоть богаче все живут. А он мне: деньги не главное. А как без них? Только в Доме, в новом обществе и обходятся. Значит, нужно тогда в Дом стремиться. А он все повторял, что и в южном гетто можно хорошо жить, лишь бы вдвоем. А какое будущее у южного гетто? Ну, ты понимаешь меня.

— И ты все равно выбрала Дом, зная, что ему туда не попасть?

— А что делать? — как-то обиженно говорит Аглая. — И не осуждай меня. Ты вообще, я смотрю, всех жильцов в Доме считаешь ниже себя, ничтожнее, глупее. Всех осуждаешь, критикуешь, судишь. Это еще из гетто шло, я давно заметила. И почему это не попасть? Он сам затянул процесс получения человеческого паспорта. Все никак ДНК не хотел сдавать на проверку. Мол, унижает это его сущность, не любит он бюрократической волокиты. Да и все в разных местах находится, и везде километровые электронные очереди отстоять сперва нужно. Представляешь, ведь все грачи в гетто вдруг массово стали превращаться в людей. Наплыв ужасный, а что с ними делать, не знают. И в гетто оставлять негде: слишком их много поналетело, и в Дом всех непустишь. Вот они и обозлились в МФЦ. Мол, бывшая птица, да еще умничают. А без теста ДНК нечего даже и думать о Доме из-за его грачиного прошлого. Вот не знаешь, а уже судишь меня. Поэтому и в Доме тебя не полюбили.

Koroleva хочет что-то ответить, но Аглая в задумчивости молча поворачивается и уходит. Она смотрит ей вслед, вдруг отчетливо понимая, что все вокруг отжило свое, свой цикл.

Она возвращается к Администратору, караулившему у лифта-трубы. Они молча заходят внутрь.

В ее душе закипает раздражение и отвращение, даже ненависть к Дому и его жильцам.

У аквариума она замечает все ту же тень, которая безуспешно пытается проникнуть внутрь.

— Миленький мой, — еле слышно воркует тень, стараясь попасть в аквариум. — Самый красивый!

Но ее внимание привлекает другое: книги заполнили аквариум до краев, так что места осталось только для одного человека, и ей входить некуда. Koroleva понимает, что ее тоже выжили — теперь ей дорога в кафе бывших жен. Ее ждет окаменение и жизнь тени.

Туманов замечает ее и выходит из аквариума.

— Увы, — разводит он руками. — Книги тебя выжили, а их я люблю больше. Они молчат и визгливо не ворчат. А ты вечно всем недовольна и слишком высокого о себе мнения.

Она обводит взглядом прозрачную улицу со стеклянными аквариумами.

— Зачем это все? — спрашивает она. — В гетто из всего этого сделали какую-то нирвану.

— А люди любят реалити-шоу, — усмехается Туманов. — Бывало, едешь в маршрутке, а людишки пялятся в экраны мобильных и по сторонам не смотрят. Все наблюдают за чужой жизнью. Что может быть лучше реальной жизни онлайн? Жизни, куда хотят все попасть, а попадая, чувствуют себя в ловушке?

Глаза его горят, он трясется, будто во время приступа. Еще секунда, и кажется, он сойдет с ума.

— Так, значит, за нами все это время наблюдали?

— Круглые сутки. Как тебе эксперимент?

— Чудовищный, — только и выговаривает Koroleva.

Туманов хохочет.

— Плохие качества и привычки вытесняются только обилием того же вокруг, — спокойно говорит он. — В этом вся революция и новое общество.

— Что стало с гетто?

— А оно само себя вытравило. Тем, что где-то всегда лучше.

Koroleva вздрагивает и бежит стеклянными коридорами. Туманов безумно хохочет вслед.

Она находит кафе, где впервые увидела его. Заходит. Изнутри аквариум напоминает вагон-ресторан. Она вдруг отчетливо понимает, что заветная кнопка находится именно здесь. Она садится за первый столик. На нем — огромные песочные часы. Вглядывается в неуловимые песчинки. Внутри часы напоминают улей — тысячи крохотных оконцев, показывающих в режиме онлайн каждый аквариум. Стенные экраны галдят — везде проходят онлайн-конференции. Каждый считает Дом полезным и высшим благом. Все жильцы соблюдают карантин и не выходят из аквариумов. Koroleva понимает, что уже никогда и не выйдут, навеки законсервированные в своих стекляшках и общающиеся онлайн. Страх безысходности пронизывает насквозь.

На часах она замечает красный огонек. Кнопка! Не раздумывая, накрывает ее ладонью и прижимает теплом. Сенсорный луч реагирует — все взлетает на воздух.

Эпилог

Мир горел сорок дней. И вышла кроваво-красная луна, а затем стала угольно-черной. И не было понятно, ни какое время года, и не было ни самого времени, ни пространства. Старый мир распадался, рушился, исчезал. Жизнь вырождалась, чтобы дать место новой. И затем вышло солнце. И на месте Дома выросло дерево с зелеными, переплетающимися ветвями и корнями, и круговорот бытия возобновил свой нескончаемый бег.